

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ
СВЯТѢЙШАГО СѦНОДА.

Государь Императоръ, въ 22 день Февраля, Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе СвятѢйшаго СѦнода о дозволениі іеромонаху русскаго общежительнаго Андреевскаго скита на Аѡнской горѣ Паисію продолжать въ Россіи сборъ подаянія въ пользу сего скита еще въ теченіи года.

СвятѢйшій СѦнодъ, слушавъ дѣло о бракахъ нижнихъ чиновъ, находящихся въ отпускахъ, опредѣлилъ: Въ 11 ст. продолженія Зак. Граж. X. Т. Свода 1857 года изображено: «Нижнимъ чинамъ, уволеннымъ какъ въ безсрочные, такъ и во временные отпуски, дозволяется вступать въ законный бракъ, не испрашивая особаго на то отъ начальства ихъ разрѣшенія; но при такомъ вступленіи въ бракъ сихъ нижнихъ чиновъ священники, вѣнчающіе ихъ, обязаны подписывать на выдаваемыхъ нижнимъ чинамъ отпускныхъ билетахъ: когда и съ кѣмъ они вѣнчаны; равноѣрно отмѣчается на билетахъ рожденіе дѣтей, прижитыхъ во время отпуска ихъ, и смерть ихъ, буде таковая послѣдуетъ.» Эта статья продолженія Свода Законовъ основана на Высочайше утвержденномъ въ 5 день Іюня 1861 года мнѣніи Государственнаго Совѣта, сообщенномъ г. бывшему сѦнодальному оберъ-прокурору г. государственнымъ секретаремъ, и объявленномъ указами СвятѢйшаго СѦнода отъ 31-го Августа 1861 года по всему духовному вѣдомству, для руководства, о чемъ тогда же увѣдомленъ отъ СѦнода и Правительствующій Сенатъ. Нынѣ г. военный министръ, имѣя въ виду такіе случаи, что означенный законъ былъ принять духо-

венствомъ въ основаніе для повѣнчанія, безъ дозволенія воинскаго начальства, рядовыхъ, находившихся въ кратковременномъ отпуску, довелъ до свѣдѣнія Правительствующаго Сената, что, согласно съ 1604, 1615 и послѣдующими статьями кн. 1-я ч. 11-й Свода Военныхъ Постановленій, безсрочный и временный отпуски не составляютъ одного и того же съ отпускомъ кратковременнымъ, — и посему просить Правительствующій Сенатъ разъяснить: 1) что дѣйствіе означеннаго закона не должно примѣняться къ нижнимъ чинамъ, увольняемымъ не въ безсрочный или временный отпуски, а въ кратковременный; и 2) что различіе между сими отпусками заключается въ слѣдующемъ: а) увольненіе нижнихъ чиновъ въ безсрочный или временный отпуски, о коихъ сказано въ 1649 и 1650 ст. кн. 1-й ч. 11 Свода Военныхъ Постановленій, дѣлается безъ ограниченія отпуска какимъ либо опредѣленнымъ срокомъ времени, а въ кратковременный отпускъ увольняются нижніе чины на извѣстные сроки, указанные въ 1615 ст. той же книги Свода Военныхъ Постановленій, и, по истеченіи этихъ сроковъ, они обязываются къ явѣ въ свои полки и команды; и б) увольнительные виды или билеты даются: безсрочно отпускнымъ на красной бумагѣ и временно отпускнымъ на желтой, а нижнимъ чинамъ, увольняемымъ въ кратковременный отпускъ, билеты пишутся не на цвѣтной, а на простой бумагѣ, при чемъ въ нихъ означается и самый срокъ разрѣшаемаго отпуска. Правительствующій Сенатъ, усматривая изъ имѣющихся у него свѣдѣній, что исполненіе упомянутаго Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта поручено было епархіальнымъ начальствамъ указами Святѣйшаго Синода, препроводилъ рапортъ г. военного министра къ г. оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, для предложенія

установленнымъ порядкомъ Святѣйшему Синоду, съ тѣмъ, чтобы по учиненіи со стороны его зависящаго по духовному вѣдомству распоряженія, сообщено было объ ономъ Правительствующему Сенату, для распубликованія въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ. Независимо отъ сего, г. военный министръ проситъ г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода сдѣлать распоряженіе, чтобы впредь священники не вѣнчали, безъ разрѣшенія начальства, нижнихъ чиновъ, увольняемыхъ въ кратковременный отпускъ. Святѣйшій Синодъ, принимая въ соображеніе, что въ 1604, 1615, 1649 и 1650 статьяхъ 1 кн. 11 ч. свода Военныхъ Постановленій полагается различіе между отпусками кратковременнымъ, безсрочнымъ и временнымъ, что Высочайше утвержденнымъ въ 5 день Іюня 1861 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта и основанною на немъ 11-тою статьею продолженія Зак. Гражд. Т. X свода 1857 года вступленіе въ законный бракъ, безъ испрошенія особаго на это отъ начальства разрѣшенія, предоставляется тѣмъ нижнимъ чинамъ, которые уволены въ безсрочный и во временный отпуска, и что, на основаніи 65 ст. Зак. Основн. 1. Т. свода 1857 года, законы должны быть исполняемы по точному и буквальному смыслу оныхъ, безъ всякаго измѣненія или распространенія, — опредѣляетъ: о вышеизъясненномъ различіи между отпусками безсрочнымъ, временнымъ и кратковременнымъ дать знать по всему духовному вѣдомству печатными указами, съ тѣмъ, что 11 статья продолженія Зак. Гражд. X Т. свода 1857 года и указъ Святѣйшаго Синода отъ 31 Августа 1861 года, относясь только къ нижнимъ чинамъ, увольняемымъ въ безсрочный и временный отпуска, не должны быть примѣняемы къ такимъ нижнимъ чинамъ, которые увольняются въ кратковременный отпускъ.

Государь Императоръ, по внесенному въ комитетъ министровъ, вслѣдствіе ходатайства епархіальнаго начальства, представленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, согласно положенію сего комитета, пожаловать серебрянныя медали: для ношенія на шеѣ на Станиславской лентѣ, старостѣ Іоанно-Богословской церкви, селенія Попельнистаго, отставному унтеръ-офицеру Евстафію Дегтяреву; для ношенія на груди на Станиславской лентѣ, старостѣ Срѣтенской ц., селенія Павлыша, унтеръ-офицеру Петру Пашенко и старостѣ Николаевской ц., м. Добровеличговки, временно-обязанному крестьянину Еремѣю Гороленко.

II. РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Бобринецкаго уѣзда, селенія Николаевки, Михайловской ц., священникъ *Федоръ Стаматьевъ* и селенія Алексѣевки, Алексѣевской ц., священникъ *Іоаннъ Романенковъ*, согласно ихъ прошенію, переведены одинъ на мѣсто другаго.

Священникъ *Петръ Иванцкій* опредѣленъ тираспольскаго уѣзда, въ селеніе Коротное, къ Покровской церкви.

Ананьевскаго уѣзда, селенія Бырзоловой, Іоанно-Богословской ц., священникъ *Авксентій Гилевскій* избранъ и утвержденъ духовникомъ 1 части благочинія, ананіевскаго уѣзда.

Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: николаевскій 2-й гильдіи купецъ *Гавріилъ Дюминъ*, при Свято-Духовской ц., Водопойныхъ Хуторовъ, на третіе трехлѣтіе; григоріопольскій мѣщанинъ *Яковъ Мотыла* — при григоріопольской Вознесенской ц.; временно-обязанный крестьянинъ *Діомидъ Садовникъ* при Іосифской ц., селенія Осиповки; вишиневскій мѣщанинъ *Василій Пиштирянъ* при Богородичной ц., селенія Бырнсовой; временно-обязанный крестьянинъ *Матвей Тимофеевъ* при Марковской ц., селенія Ко-

шарки; поселянинъ *Стефанъ Гулька*, при Николаевской ц., селенія Николаевки; поселянинъ *Елисей Костюкъ*, при Покровской ц., селенія Новокурска; поселянинъ *Христофоръ Пятикъ*, при Михайловской ц., селенія Пересидовки; поселянинъ *Трофимъ Моленко*, при Преображенской ц., селенія Аджамки; государственный крестьянинъ *Андрей Малый*, при Богородичной ц., урочища Широкой Балки, на первое трехлѣтіе; григоріопольскій мѣщанинъ *Каленикъ Ипатій*, при Михайловской ц., селенія Делакова; поселянинъ *Осипъ Кобецъ*, при Крестовоздвиженской ц., с. Мошорина; поселянинъ *Максимъ Чубанъ*, при Богородичной ц., с. Вершаца на второе трехлѣтіе; временно-обязанный крестьянинъ *Петръ Беринъ* при Васильевской ц., с. Васильевки, на третіе трехлѣтіе; поселянинъ *Иванъ Сергета*, при Михайловской ц., с. Табурица, на четвертое трехлѣтіе.

Уволенный изъ одесскихъ мѣщанъ *Михаилъ Гняжковъ* опредѣленъ послушникомъ въ одесскій Успенскій монастырь Херсонскаго поселенія, с. Малѣевки, Троицкой ц., священникъ *Павелъ Силинъ* и столоначальникъ херсонской консисторіи, кол. секр. *Андрей Новицкій*, за смертію, исключены изъ списковъ.

IV. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

а) Касперовская чудотворная икона Богоматери въ четвертый день Свѣтлой Седмицы, т. е. 22 Апрѣля имѣетъ быть препровождена изъ г. Одессы въ с. Касперовку на пароходѣ.

б) Почетный блюститель по хозяйственной части при херсонской семинаріи одесскій 2 гильдіи купецъ *Димитрій Фокимъ Токаревъ* пожертвовалъ, на постройку лѣтнихъ сюртуковъ и брюкъ для 97 казеннокоштныхъ воспитанниковъ семинаріи, 469 арш. крен-ластику и 268 арш. цвѣтной парусины, на сумму 200 руб. сер. За таковое пожертвованіе

г. Токареву Его Высокопреосвященствомъ Димитріемъ, архіепископомъ херсонскимъ и одесскимъ преподано благословеніе Божіе и архипастырская признательность.

В) ТАКСА

взысканіямъ въ охраненіе полей и луговъ отъ погравъ и другихъ поврежденій.

(Утверждена херсонскимъ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіемъ 9-го Марта 1864 года).

РОДЫ ЖИВОТНЫХЪ И ПТИЦЪ.	Въ зимнее полугодіе: съ 1 Октяб. по 1 Апр.				Въ лѣтнее полугодіе: съ 1 Апр. по 1 Окт.			
	ВЪ ПОЛѢ				ВЪ ПОЛѢ.			
	На голодѣ, выпасѣ, выгонѣ и на вырваныхъ нечесенныхъ мѣстахъ.	На сенокосахъ, лугахъ, пашняхъ и вымшвахъ.	На посевахъ.	Въ сѣвахъ, дѣсахъ, ородахъ, обитаныхъ и голахъ.	На голодѣ, выпасѣ, выгонѣ и на вырваныхъ нечесенныхъ мѣстахъ.	На сенокосахъ, лугахъ, пашняхъ и вымшвахъ.	На посевахъ.	Въ сѣвахъ, дѣсахъ, ородахъ, на битаныхъ и голахъ.
	КОПѢЙКИ.							
За каждую штуку рогатаго скота, лошадь и свинью всѣхъ возрастовъ, исключая сосуновъ	15	20	30	40	20	30	50	60
За каждую овцу	2½	5	7½	15	5	7½	10	20
За козу	5	10	15	25	10	15	20	30
За гусь и индѣйку	½	1	1½	3	1	1½	5	5
За утку, курицу и прочую птицу	¼	½	1	2	½	½	2	3

Примѣчанія: 1-е. Къ разряду рогатаго скота и лошадей относятся также ослы, мулы, верблюды и проч., 2-е. За сосуновъ рогатаго скота и лошадей взимать одну треть противъ таксы, а за поросятъ четвертую часть. 3-е. Одицалыхъ свиней, которыхъ нельзя загнать, дозволяется стрѣлять. 4-е. Оперившуюся птицу хозяева должны имѣть съ подрубленнымъ крыломъ; летающую же на поля, токи, сады, или огороды, а равно собакъ, наносящихъ вредъ виноградникамъ и кукурузѣ, также дозволяется стрѣлять. 5-е. За самовольные перелазы чрезъ шетни, заборы и канавы взыскивать съ cadaго лица по 50 коп. сер. 6-е. За найденный подъ скирдами или стогами сѣна крупный скотъ взыскивать по 50 коп. и за мелкій по 20 коп. отъ штуки. — На основаніи 25 ст. Правилъ, Высочайше утвержденныхъ 18-го Юля 1862 г., настоящая такса обязательна для лицъ всѣхъ сословій и вѣдомствъ, не исключая и военнаго. Подписали: Гражданскій Губернаторъ *И. Клушинъ*, Губернскій Предводитель Дворянства *Касиновъ*, Управляющій Палатою Государственныхъ Имуществъ *Сильванскій*, *И. Д.* Губернскаго Прокурора *Будянский* и Члены, Дворяне Помѣщики: *Канивальскій* и *Мазаракій*. Скрѣпилъ Секретарь *Добровольскій*.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОДИНАДЦАТОЙ ЧАСТИ ПРИБАВЛЕНІЙ

къ

ХЕРСОНСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

Стран.

Высокопреосвященнѣйшаго Димитрія, архіепископа херсонскаго и одесскаго :

- 1) Слово въ день честнаго и славнаго крестителя Господня Іоанна 57
- 2) Слово въ недѣлю о Мытарѣ и Фарисеѣ 113
- 3) Слово, сказанное въ одесской Троицкой греческой церкви, по случаю открытія при ней приходскаго братства для попеченія о бѣдныхъ своего прихода 165
- 4) Слово въ день св. великомученицы Варвары 173
- 5) Слово, сказанное въ Среду первой седмицы святаго поста. 235
- 6) Слово, сказанное предъ исповѣдію 289
- 7) Слово, сказанное предъ причащеніемъ 329

Блаженные памяти Высокопреосвященнѣйшаго Иннокентія, архіепископа херсонскаго и таврическаго, пастырское посланіе къ отпадающимъ въ секту скопечскую 225

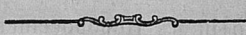
Вечерня въ Великой Константинопольской церкви, въ первый день Свѣтлы Пасхи. Архим., нынѣ епископа, Софоніи. . . . 419

-
- Размышленіе на Новый Годъ. Свящ. М. Чемены. 4
- Матерь-воспитательница. Его-же 12
- Мысли о воспитаніи 26
- Записки о бѣдныхъ. Свящ. М. Чемены . . . . . 64 и 242
- Катакомбы и погребеніе христіанъ въ первыхъ вѣкахъ по Р. Х. 80
- Приглашеніе къ пожертвованіямъ. 90
- Воспомяніе объ Екатеринѣ Александровнѣ Хитрово. Свящ. Н. Неводчикова . . . . . 118. 260 и 348
- Профессоръ философіи въ Новороссійской семинаріи, поручикъ Яковъ Артемовъ. Прот. Павловскаго. 129
- По поводу статьи : «Матерь-воспитательница». Свящ. М. Д-го 179
- О христіанской благотворительности. Его-же. 184

Библиографическія замѣтки. А. Иванова.	191
Плѣненіе Животворящаго Креста Христова Персами и возвращеніе его императоромъ Иракліемъ.	300
Нѣсколько словъ противъ сквернословія. Прот. С. Серафимова	310
Праздникъ Феодоровской Богоматери въ одесской Архангело-Михаймовской обители. Его-же.	319
Средство къ пріобрѣтенію мира внутренняго	336 и 429
Уставъ Одесскаго Греческаго Братства св. Троицы.	381
Слово въ день Благовѣщенія Пресв. Богородицы. Прот. Павловскаго	391
Воскресеніе Христово	402

Епархіальная Хроника. Прот. Лебединцева.	38 и 135
Разныя извѣстія: Подвижныя праздники 1864 года. Извѣстіе съ Востока. Патріархъ Софроній въ Константинопольскомъ Богословскомъ училищѣ	47
Изъ записей, веденныхъ при обзорѣннй Иркутской епархіи въ 1863 году. Открытіе Московскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія и, по этому случаю, отвѣтъ попечителя Обществу	93
Учрежденіе школъ и братствъ въ западномъ краѣ. Возвращеніе въ православіе. Протоіерей Буйницкій. Библиотека въ Тульской епархіи. Школы въ Полтавской епархіи. Грамотность на сѣверѣ Россіи. Община сестеръ милосердія въ Псковской губ.	143
Училища для дѣвицъ духовнаго званія. Пріюты для престарѣлыхъ, больныхъ и безпомощныхъ священнослужителей. Отчеты попечительнаго совѣта о бѣдныхъ въ Симферополь за 1863 г. Изданіе народныхъ книгъ въ обширныхъ размѣрахъ. Замѣтка о расколѣ. Двѣ встрѣчи	205
Русское Богоугодное заведеніе въ Іерусалимѣ. Опроверженія извѣстія о переходѣ въ православіе	282
Братство въ м. Корсуиѣ Каневского уѣзда. Пожертвованіе. Письмо М. Н. Муравьева къ митрополиту Литовскому Юсифу о наперсныхъ крестикахъ. Еще о крестикахъ, а также объ изображеніяхъ св. Александра Невскаго. Изъ Гродненской губерніи. Новые духовные журналы. Приходскія училища при церквахъ Калужской епархіи.	371
Объявленія	55. 103. 160. 222. 380
Библиографическое извѣстіе.	288

СЛОВО

въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы *).

Рече же Маріамъ: се раба Господня: буди мнѣ по глаголу Твоему. (Луки 1. 38).

Не многія и, по видимому, простыя слова, а сколько совершенно ими великаго и святаго! «Я раба Господня: да будетъ мнѣ по слову Твоему!»—Сими словами, сказанными Пречистою Дѣвою въ отвѣтъ на слова Архангела: *Духъ святой найдетъ на Тя, и сила Вышняго оспитъ Тя*,—страшно выговорить, что совершается! — Богъ низводится съ неба на землю, *Сынъ Божій сынъ Дѣвы бываетъ*, небесное посольство благовѣствующаго Архангела оканчивается. *И отъиде отъ Нея Ангелъ*.

Чтоже это за сила, заключавшаяся въ такихъ простыхъ словахъ? — Эта чудная сила — чистѣйшая и совершенная преданность Маріами Богу, — преданность волею, мыслию, душою, всѣмъ существомъ — и преданность на всю жизнь и на все, что встрѣтитъ Ее въ жизни.

---

*) Произнесено въ церкви при Сиротскомъ домѣ Одесскаго Женскаго Благотворительнаго Общества, 25-го Марта 1864 года.

На всю жизнь и на все, что встрѣтитъ Ее въ жизни. Разъ сказавши: *се раба Господня: буди Мнѣ по глаголу Твоему*, Маріамъ принимаетъ все, что посылается Ей въ жизни, безмолвно, но сердцемъ, всецѣло преданнымъ Тому, чью рабою назвала Себя. Вспомните ту бурю помышлений въ душѣ Іосифа, когда, *не хотя Ея обличити, восхотѣ тай пустити ю*, вспомните то время, когда *Она роди Сына Своего Первенца, и повитъ Его, и положи Его въ ясляхъ: зане не бѣ мѣста во обители*, вспомните то страшное пророчество, каковымъ пронзаетъ душу Ея Сумеонъ: *тебѣ самой душу пройдетъ оружіе*, припомните бѣгство въ Египеть, скорбь и тревоги души матери, три дня искавшей по всему Іерусалиму и его окрестностямъ сына своего отрока, — *въ церкви сѣдѣющаго посредь учителей и слушающаго ихъ и вопрошающаго ихъ*, — предательство Іуды, взятіе Іисуса подъ стражу и веденіе Его, связаннаго, къ первосвященнику, къ Пилату и къ Ироду, судъ и осужденіе Его со всеми неправдами и оскорбленіями, несеніе креста по пути, заливаемомъ кровію Его, и, наконецъ, — помяните тѣ страшныя минуты, когда страданія крестныя раздирали душу и тѣло Возлюбленнаго Сына, и когда Матерь стоитъ при крестѣ! Были тутъ рыданія, жалобы, вопли, терзанія? — Ничего и подобнаго не слышимъ и не видимъ мы во всей жизни Богоматери. Страдая, какъ никто никогда не страдалъ на землѣ, кромѣ Сына Ея, она оставалась безмолвною при всемъ, что поражало Ея матернее сердце.

Вотъ что значить — отъ всей души и отъ всего помышленія сказать единожды на всегда: *се раба Господня: буди мнѣ по глаголу Твоему!*

Есть, Христіане, и у каждаго изъ насъ слово, не уступающее въ силѣ слову Маріамы — то великое и могучее

слово, котороу научилъ всѣхъ насъ Ея и Божій Сынъ, Ея и нашъ Христосъ Богъ. *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ! Да будетъ воля Твоя, яко на небеси, и на земли!* — Не разъ — тысячи разъ повторяемое слово сіе и юными и старыми, и счастливыми и несчастными, производитъ ли въ жизни нашей хотя тысящекратную долю того терпѣнія и смиренія, той вѣры, надежды и преданности, какими была полна жизнь Богоматери? — Счастливые, счастливы ли такъ, какъ Богу, а не имъ самимъ угодно? Несчастные, страждущіе, *страждутъ ли по воли Божіей, и Ему, яко вѣрну Зиждителю, предаютъ ли души своя во благотвореніи?* Всѣ ли, или лучше, многіе ли изъ насъ исполняютъ волю Божію такъ, какъ она исполняется Ангелами на небеси? Если когда благовременно и помышлять о волѣ Божіей, и поучаться исполненію ея, то это — нынѣ, когда св. церковь всѣхъ насъ, молящихся, приблизила къ Той, Которая устами единойды, а жизнью Своею всегда говорила: *се раба Господня: буди Милъ по влаголу Твоему*, — и если гдѣ, то это здѣсь, подъ тѣмъ священнымъ кровомъ, подъ которымъ милосердіе Христіанское даетъ и вещественный и духовный пріютъ столькимъ сирымъ, отъ самаго рожденія своего не знающимъ другаго отца, кромѣ Отца небснаго, ни другой матери, кромѣ Матери всѣхъ скорбящихъ.

Управляться волею Божіею во всѣхъ убѣжденіяхъ своихъ и во всей жизни своей, отдавать свою волю въ распоряженіе воли Божіей, благоговѣйно преклонять сердце свое предъ каждымъ проявленіемъ воли Божіей, открытымъ въ Его святомъ словѣ, не противопоставляя ей своихъ убѣжденій, какъ бы они ни были сильны, своихъ предразсудковъ и чувствъ, какъ бы они ни были для насъ дороги, словомъ — всю жизнь свою, со всѣмъ ея радостнымъ и печальнымъ, лег-

кимъ и тяжкимъ, вести согласно съ волею Божіею, — вотъ та благодать, которой испрашиваемъ всё мы, когда молимся: *да будетъ воля Твоя!* — и вотъ тотъ первый шагъ, который должно всёму намъ сдѣлать для того, чтобы привести свою волю въ согласіе съ нею самою и вступить въ то святое согласіе съ волею Божіею, внѣ котораго — истинное несчастье для насъ.

Не думаетъ ли кто нибудь, что Богъ налагаетъ на насъ, и что мы сами на себя призываемъ тягостное рабство, когда взываемъ къ Нему: *да будетъ воля Твоя?* О нѣтъ! Быть рабомъ Божиимъ значить быть въ высшей степени свободнымъ: рабство Богу есть самое свободное, и потому самое сладостное иго любви. Никто не можетъ покориться Богу, не получивъ отъ Него *сердца чистаго* и *духа праваго*, а безъ такого сердца и духа нѣтъ свободы для человѣка, потому что нѣтъ въ немъ силъ исполнять волю Божію. Напрасно *сыны вѣка сего!* (такъ называетъ І. Христосъ всёхъ тѣхъ, которые мудрствуютъ не по Немъ, Христѣ - Спасѣ душъ нашихъ, а по началамъ своей мысли), напрасно вы съ такимъ рвеніемъ преслѣдуете, подъ искусительнымъ именемъ свободы, мечту, которая никогда не можетъ осуществиться. Будьте увѣрены, что въ нравственномъ мірѣ, такъ же какъ и въ мірѣ общественномъ, не можетъ быть свободы тамъ, гдѣ царствуетъ безначаліе и беспорядокъ. Вы не хотите исполнять волю Божію, чтобы быть свободными, и хотите исполнять — чью волю? — Вашу собственную? Знайте жъ, что самая могучая воля, та, ничѣмъ не одолимая воля, которая сначала какъ будто даетъ движеніе и направленіе всему, окружающему ее, — часто даже цѣлому вѣку, рано или поздно разбивается объ опредѣленія воли, управляющей вселенною: эта воля не даетъ силы своей другому, такъ

какъ Богъ (это читаемъ въ словѣ Его) *Богъ славы Своей не даетъ другому.*

И что это за воля, отрѣшающаяся отъ воли Божіей?— Несогласная съ волею Божіею, согласна ли она, по крайней мѣрѣ, сама съ собою? Нѣтъ! Воля, которую человекъ хочетъ воцарить въ своемъ сердцѣ, есть царица, лишенная царства; она не болѣе, какъ раба, порабощенная и ежеминутно порабощаемая страстями. И смотрите — какъ всѣ тѣ, кои отвергають волю Божію, исполняютъ самую унижительную волю плоти и крови, волю малѣйшаго нечистаго желанія своего, какъ, вышедши изъ подчиненія волѣ Божіей, они подчиняются волѣ своихъ грѣховныхъ наклонностей, или волѣ одной какой либо страсти, — тщеславія, гордости, гнѣва, зависти и проч. А когда эти страсти поработятъ ихъ до того, что у нихъ нѣтъ уже своей воли, тогда начинаютъ исполнять волю свѣта, его заблужденій и предразсудковъ, волю той среды, въ которой живутъ, словомъ — волю грѣха. И такой-то свободы ищутъ и всѣми силами домогаются тѣ, кои выходятъ изъ повиновенія благой и совершенной волѣ Твоей, Боже Великій! О, *да будетъ лучше воля Твоя, Отче нашъ небесный!*...

Нѣтъ, братіе, не о тягостномъ рабствѣ молится Христіанинъ, взывая къ Отцу своему небесному: *да будетъ воля Твоя! Освободиться отъ рабства грѣховнаго и поработить себя истинѣ* — въ этомъ цѣль нашего бытія на землѣ, поэтому — въ этомъ истинная свобода нашего безсмертнаго духа. Воля Божія не угнетаетъ, тѣмъ болѣе не уничтожаетъ воли человѣческой: какъ даръ Божій, она должна оставаться и всегда остается за человѣкомъ. Напротивъ, воля Божія, освобождая человѣческую волю отъ рабства грѣху, отъ служенія міру, возвышаетъ ее, освящаетъ,

вводитъ ее въ вѣчное согласіе съ Богомъ, а чрезъ это избавляетъ ее отъ борьбы, нестроенія и бѣдствій, какимъ неминуемо подвергается всякое существо, возстающее противъ Божественнаго порядка. Освященная такимъ образомъ, воля человѣческая хочетъ прежде и выше всего того, что угодно Богу, и если, по временамъ, христіанинъ, все же какъ человѣкъ, чувствуетъ, что слабая его воля противится какой либо трудной обязанности, налагаемой на него Божиимъ или человѣческимъ закономъ, — тогда взываетъ къ Богу съ любовію, съ горячимъ желаніемъ быть услышаннымъ и какъ бы прося избавленія и освобожденія отъ своей воли: *да будетъ воля Твоя!* И счастливъ онъ, исполняя обязанности самыя трудныя, требующія полного сомоотверженія, тяжкихъ жертвъ; ибо слышитъ любвеобильный голосъ Спасителя, къ нему обращенный: *тотъ, кто будетъ творить волю Божию, тотъ Милъ братъ, и сестра, и мать!*... Счастливъ онъ, исполняя и малѣйшія обязанности обыденной своей жизни — подъ гнетомъ самыхъ тягостныхъ трудовъ и лишеній; ибо, исполняемая во имя Божіе, — всѣ онѣ, какъ бы малы ни были, имѣютъ одного и того же могущественнаго и милосердаго двигателя въ сердцѣ и совѣсти — Бога.

Но, обязанные исполнять волю Божию съ повиновеніемъ, мы должны испрашивать у Бога благодати исполнять ее — съ покорностію. Богъ являетъ намъ волю Свою не только въ словѣ Своемъ, но и въ тѣхъ многоразличныхъ путяхъ жизни нашей, на которые наша воля рѣшительно не можетъ имѣть никакого вліянія, но которымъ сопротивляться было бы, со стороны человѣка, крайне не-разумно уже потому, что измѣнить здѣсь ничего не можетъ самая сильная воля

человѣческая: это — то, что извѣстно на языкѣ человѣческомъ подѣ именемъ *предопредѣленія Божія*.

Гдѣ найдете вы человѣка, котораго жизнь шла бы мирно, безъ бурь и потрясеній, человѣка счастливаго вполне — безъ примѣси, хотя малой, горечей и слезъ? Гдѣ такой человѣкъ? Ищите его вездѣ, — не найдете нигдѣ. Вездѣ увидите алчныя страсти, пожирающія себя самихъ, пока не истребятъ жертвы своей, увидите, какъ онѣ одна у другой оспариваютъ сердце человѣческое, мучать, раздираютъ его: тамъ обманутыя надежды, здѣсь неудовлетворенныя желанія, тамъ воля, разбиваемая ударами судьбы, здѣсь нравственныя и вещественныя страданія — смерть, слезы, сожалѣнія. Если найдете такихъ, которые представляютъ вамъ въ примѣръ невозмутимаго счастья не землѣ собственную свою жизнь, то скажите такимъ: «обождите: вашъ часъ еще на наступилъ!»

Чтожь сдѣлаютъ изъ жизни своей тѣ, кои не научились отъ Христа Иисуса всеѣмъ сердцемъ взывать къ Богу: *да будетъ воля Твоя?* — тѣ, кои смотрятъ на событія своей жизни, въ которыхъ должна выражаться для нихъ эта воля, какъ на враговъ своего счастья и спокойствія, неотступно слѣдящихъ за ними? Какой миръ, какое счастье возможно въ жизни того, который не можетъ избѣгнуть ничѣмъ не останавливаемаго хода событій, кто поминутно сталкивается съ ними и получаетъ удары отъ нихъ? Что будетъ онъ дѣлать подѣ этими удвоенными ударами, какіе наносятъ ему уязвляющія его душу униженія гордости, страданія сердца, оскорбленія воли? Скажите, что можно сдѣлать изъ подобной жизни? Что? — то, что, къ несчастію своему, дѣлаютъ многіе, живущіе безъ общенія съ Богомъ, безъ мира въ сердцѣ, съ враждою къ ближнимъ, въ непрерывной и изнурительной борьбѣ съ жизнію и ея случайностями. Борьба

эта длится до тѣхъ поръ, пока остатокъ естественныхъ силъ, любимыхъ заблужденій, ложныхъ надеждъ, или разсѣянія поддерживаетъ ихъ; но настаетъ же наконецъ время, когда эти ложныя средства истощаются, — и тогда жившіе безъ Бога начинаютъ жаловаться и роптать на Провидѣніе, въ которое не вѣровали, начинаютъ изрекать языческія жалобы на жестокой жребій, на страшную судьбу свою, тогда бѣднымъ душамъ остается одно безвыходное томленіе жизнью — и отчаяніе, свидѣтельствующее, что есть въ мірѣ несчастная душа, не умѣвшая или не хотѣвшая говорить Богу: *да будетъ воля Твоя!* Если же и ищутъ такіе утѣшенія, то ищутъ въ какой-то геройской нечувствительности, облакаются (конечно не надолго!) ложною силою души своей, чтобы не показаться унылыми, прибѣгая къ самымъ жалкимъ утѣшеніямъ, на-примѣръ въ родѣ такого утѣшенія: «тутъ ничего нельзя перемѣнить; это въ порядкѣ вещей: надобно покориться.»

Вѣрьте, братіе, что если смотрѣть на жизнь съ Евангельской точки зрѣнія (а съ какой же другой точки зрѣнія долженъ смотрѣть на все христіанинъ, какъ не съ Евангельской?), если и изучать жизнь и переносить ее съ помощію Того, Который приводилъ насъ въ Геосиманію и возводилъ на самую Голгоѳу, чтобы разоблачить намъ всѣ мрачныя стороны жизни человѣческой; если крестъ содѣляется для насъ ключемъ ко всѣмъ таинствамъ, если страждущее наше сердце на всегда ввѣрится и предастъ себя въ руки Бога Живаго и Милосердаго — и мы съ полнымъ упованіемъ скажемъ Богу нашему: *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да будетъ воля Твоя!* — тогда все на землѣ измѣнится для насъ: счастье и несчастья жизни, ея печали и радости, жизнь и смерть объяснены для насъ.

Кончено, испытанія жизни всегда останутся испытаніями, страданія — страданіями; иначе и быть не можетъ на землѣ и, было ли бы лучше для человѣчества, если-бы было иначе, мы не знаемъ. Но то вѣрно, что если покорная воля наша сольется съ волею Божіею, если сердце наше прилѣпится къ этой волѣ и съ любовію будетъ служить ей; то душа наша будетъ мирна и покойна среди самыхъ страшныхъ бурь и невзгодъ жизни. Есть ли, въ самомъ дѣлѣ, страданія, которыя не уврачевались бы покорностію Богу? Есть ли жертвы, которыхъ бы она не облегчила? Есть ли самопожертвованіе, котораго бы она не вознаградила? — Мы можемъ лишиться всего, могутъ не исполниться самыя лучшія надежны наши, мы можемъ потерять всѣхъ, кого любимъ, наше имя можетъ омрачиться клеветою; но изъ всего этого, горькаго для насъ, мы ничего не припишемъ людямъ, мы знаемъ, отъ чьей руки исходятъ эти удары, и, если станеть у насъ силы, подобно Ему, Спасу душъ нашихъ, отречься отъ своей воли и воззвать вмѣстѣ съ Нимъ: *Отче мой, не якоже Азъ хочу, но якоже Ты!* — тогда всѣ наши страданія освятятся, и каждый новый день скорби, каждая новая жертва, требуемая отъ сердца нашего Провидѣніемъ, болѣе и болѣе приблизитъ насъ къ Богу, прилѣпитъ сердце наше къ Немѣ и умножитъ въ немъ глубокой миръ, истинное счастье.

Братіе! Если мы еще далеки и можетъ быть очень далеки отъ такой покорности Богу, — да не смущается сердце наше! Будемъ помнить, что слова: *да будетъ воля Твоя!* молитва, которую мы можемъ возносить Подателю *всякаго даянія благаго и всякаго дара совершеннаго* — Тому, который сходилъ съ неба на землю, чтобы научить насъ мо-

литься и ввести насъ въ общеніе съ *Богомъ Его и Богомъ нашимъ, со Отцемъ Его и отцемъ нашимъ.*

Впрочемъ, будемъ ли мы исполнять волю Божію, или не будемъ, будемъ ли взывать къ Нему: *да будетъ воля Твоя!* или не будемъ, — воля Божія совершится. Ничто не можетъ отмѣнить ее: она исполнится на землѣ, исполнится въ часъ смерти нашей, исполнится въ день послѣдняго суда, исполнится въ вѣчности, — исполнится надъ нами, какія препятствія мы ни поставляли бы ей. Поспѣшимъ же войти въ согласіе съ этою волею, не ожидая страшнаго столкновенія съ нею, говоримъ страшнаго; ибо къ этой благой, но праведной и всемогущей волѣ, могутъ быть примѣнены сіи, ужасающія душу, слова: *тотъ, кто упадетъ на камень сей, разобьется, и на кого онъ упадетъ, того разобьетъ!* Мы говоримъ въ молитвѣ: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси, и на земли.* Значить, эта воля исполняется на небѣ, тамъ она царствуетъ одна, а мы всѣ, какъ христіане, молимся и, уповая на щедроты и на всеочищающую кровь Христа Иисуса, надѣемся, что не отринетъ и насъ Господь отъ царствія Своего. Готовимся ли мы, и какъ готовимся къ небесному царствію? И что будетъ съ нами тамъ — съ нашею волею непокорною, привыкшею на землѣ противиться верховной волѣ Божіей? Подумаемъ, чтобы мы дѣлали на небѣ съ такою волею?...

Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодѣву Марію со всеми святыми помянуше, сами себе, и другъ друга, и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ! предадимъ всѣ, — кто бы мы ни были, богатые или убогіе, славные или безславные: ибо для всѣхъ насъ единый отецъ — на небеси, единое упованіе и въ жизни, и въ смерти, — Христось Иисусъ.

Да предають Ему, *вѣрниу Зиждителя* судебъ человѣческихъ, души своя тѣ, среди которыхъ всѣ мы поучаемся нынѣ волѣ Божіей. Самымъ жребіемъ рожденія вашего, сироты! вы ближе другихъ поставлены къ Отцу небесному. Другіе, за роднымъ отцемъ и матерью своею, мало или вовсе не примѣчаютъ Отца небеснаго: вы, сквозь святыя слезы сиротства вашего, — видите Его ясно: не сводите жъ съ Него очей вашихъ всю жизнь вашу, отъ Него единого чая всего добраго и полезнаго для васъ, Его, прелюбимаго промыслителя, благодаря за все, что получаете здѣсь, Ему, премилосердому, молясь за всѣхъ усопшихъ и живыхъ благодѣтелей вашихъ. Другіе многого, или по крайней мѣрѣ чего нибудь ждутъ отъ жизни: — ваши всѣ надежды на Того, кто положилъ на сердце благодѣющихъ вамъ — подумать о васъ, пещись о призрѣніи и воспитаніи вашемъ и кто привелъ васъ подъ кровъ сей — Ему одному вѣдомыми путями. Другіе, послѣ смерти отца и матери, укрываются подъ ихъ осиротѣвшимъ кровомъ: вашъ единственный вѣрный на землѣ кровъ и то, пока вы еще дѣти, — этотъ кровъ. Что будетъ съ вами далѣе въ жизни? Гдѣ, у кого и какой найдете вы приютъ и какое сердце въ жизни? — Спрашивайте чаще — *Его*: воля Божія скажетъ вамъ все ко благу вашему, если душою и сердцемъ прилѣнитесь къ этой волѣ.

Такъ научившись вѣрять сиротѣющую судьбу свою Отцу небесному, вы не будете сиротами, покинутыми въ мірѣ, вы всегда будете чадами, и чадами любимыми, той великой семьи Христа Иисуса, которую Онъ, Прелюбимый, научилъ молиться: *Отче нашъ! да будетъ воля Твоя! Аминь.*

Прот. М. Павловскій.

ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО.

День субботы миновалъ. Подобно тому, какъ жены галилейскія проводили этотъ день въ покоѣ по закону (Лук. 23. 56), и Господь провелъ Свою субботу въ гробницѣ Иосифа Аримаѳейскаго въ отдохновеніи отъ подвиговъ искупленія. Глубокая ночь царила надъ землею. Врачно воздымались хладные утесы, и пусто было въ садахъ іерусалимскихъ. Вооруженная стража должна была охранять Того, Котораго трепетали, хотя Онъ былъ въ объятіяхъ смерти. Подобная же страшная ночь витала надъ сердцами, близкими Иисусу. Казалось, все для нихъ было потеряно: любовь ихъ вознесена на крестъ, честь поругана и надежда убита. Они плакали и рыдали (Ион. 16, 20). Разсѣянные безъ утѣшенія и собравшіеся также безъ утѣшенія, они видѣли предъ своими глазами одно, помышляли и бесѣдовали объ одномъ и это одно — былъ гробъ, сокрывшій Господа. Нечестивые надѣялись на богатую жатву отъ кровавыхъ сѣмянъ. Теперь-то, по ихъ мнѣнію, долженствовала настать для нихъ раздольная жизнь, теперь то думали они быть властелинами міра. Какъ соглядатаи злобы, они зорко бодрствовали среди всеобщей тишины, и чѣмъ далѣе длилась эта тишина, тѣмъ болѣе умалялся ихъ страхъ. Скоро надѣялись они окончательно подчинить себѣ міръ, ибо Господь пребывалъ мертвъ

во гробѣ. Между тѣмъ адъ былъ уже разрушенъ, власть діавола уничтожена, а сильные міра обезоружены. Всѣ надежды нечестивыхъ остались лживыми снами: ихъ ожидало страшное пробужденіе; вмѣсто вождѣнной жатвы готовилась гибель. Радостные сонмы ангеловъ нисходили на примиренную землю; небесное воинство наполняло путь отъ неба къ саду Іосифа, ибо тамъ самъ Господь пребывалъ во гробѣ. Наконецъ наступилъ третій день послѣ пятка пасхи, дня смерти и погребенія Господа. Пробудись сердце и узри, что нынѣ совершилось. *Днесь Христосъ воскресъ!* Въ этотъ день благоволилъ Онъ воскреснуть, ибо въ этотъ день появленіемъ свѣта началось твореніе міра: поэтому тотъ свѣтъ, который для сотвореннаго міра есть жизнь, долженъ былъ начаться вмѣстѣ съ жизнію, которая для возстановленнаго міра есть свѣтъ. И такъ день Воскресенія Христова есть *день Господень* (Апокал. 1, 10), тотъ день, который созванная проповѣдію о Воскресеніи Спасителя церковь избрала днемъ Богослуженія (Дѣян. Апост. 20, 7. 1 Кор. 16, 2). Въ *третій* день благоволилъ воскреснуть Господь, ибо въ первый день Онъ хотѣлъ освятить для насъ путь смерти; во второй — хотѣлъ праздновать день субботы и пребываніемъ во гробѣ подтвердить дѣйствительность Своей крестной смерти; только на третій день восхотѣлъ Онъ показаться источникомъ жизни и скорбь учениковъ Своихъ превратить въ радость. Въ третій день воскресъ Онъ *по писанію*, какъ говоритъ апостолъ Павелъ (1. Кор. 15, 4.). Самъ Господь много разъ возвѣщалъ Свое воскресеніе на третій день и указывалъ на пророка Іону какъ на Свое прообразованіе. Какъ изреченіе Осіи (гл. 11, 1) «*отъ Египта возвахъ Сына Моего*» у Евангелиста Матѳея (г. 2. 15) относится къ Іисусу Христу, и какъ глава и члены составляютъ одно тѣло, такъ и мы

должны получить силу отъ главы, т. е. отъ Иисуса Христа, что тотъ же пророкъ (гл. 6, 3) замѣчаетъ, говоря о побитыхъ и исцѣленныхъ членахъ: *«исцѣлитъ ны по двою дню, въ день третій воскреснемъ, и живы будемъ предъ Нимъ,»* или какъ говоритъ Блаженный Августинъ: «Мы также возстанемъ на третій день. День нашей жизни есть великій пятокъ, потому что мы подвигаемся со Христомъ, страдаемъ и умираемъ съ Нимъ; за пяткомъ послѣдуетъ великая Суббота, день упокоенія во гробѣ, а за тѣмъ настанетъ день воскресенія къ вѣчной жизни.» Господь благоволилъ воскреснуть самымъ раннимъ утромъ. Подобно тому какъ, послѣ сильныхъ завываній вѣтра и жестокихъ порывовъ бури, разливаются радостные лучи солнца, такъ и здѣсь, послѣ страшной тьмы, наступившей вмѣстѣ съ смертію Спасителя, восшедшее солнце, освѣтивъ отверстый гробъ, появилось какъ бы отблескомъ лика Божія, обращеннаго къ примиренной землѣ. Родиться Христу надлежало ночью, чтобы застать тьму, а воскреснуть восхотѣлъ Онъ утромъ, чтобы отъ того часа уже не было тьмы.

Рано утромъ пробудились жены галилейскія, чтобы по сѣтить гробъ Господень. Имъ сопутствовали и многія дщери іерусалимскія (Лук. 23. 28). Во время Евангельской проповѣди служили онѣ Господу своимъ имѣніемъ, и нынѣ подвигнуты любовью къ Нему, желали послужить пречистому Его тѣлу. Поэтому онѣ взяли съ собою благовонія и масти, которыя приготовили съ вечера. Когда Марія, сестра Лазаря, возлила на Господа миро драгоцѣнное, Онъ общалъ нескончаемую память ея имени и ея любви; такъ точно и имена этихъ женъ писаніемъ Боговдохновенныхъ евангелистовъ переданы христіанамъ всѣхъ временъ. Это были: Марія Магдалина, изъ которой Спаситель изгналъ семь бѣсовъ; Марія,

мать Іакова и Іосіи, сестра матери Господа; Саломія, мать сыновъ Зеведеевыхъ, которая теперь узнала ту чашу, о которой Іисусъ недавно говорилъ ей (Матѳ. 20. 22); наконецъ Іоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова. Впечатлѣніе, произведенное на эти святыя души Блаженнѣйшимъ изъ сыновъ человѣческихъ, было довольно сильно, чтобы заставить ихъ забыть всѣ сомнѣнія и препятствія; ревностная любовь ихъ ясно показывала, что оскудѣвающая вѣра ихъ обращалась еще къ Нему. И этотъ послѣдній взглядъ сильно потрясенной ихъ вѣры, въ коемъ выражалась полная любовь, *николи же отпадающая*, былъ по достоинству оцѣненъ и вознагражденъ Господомъ. За этотъ взглядъ онъ первыя услышали изъ устъ ангела радостную вѣсть о воскресеніи Господа, и первыя же приняли отъ Него самаго привѣтствіе мира.

Самого воскресенія Господа, т. е. самаго мгновенія Его возстанія изъ гроба не описываетъ ни одинъ изъ евангелистовъ, ибо никто не видалъ, какъ оно совершилось. Крестъ Спасителя окружали тысячи зрителей, которые были свидѣтелями Его поруганія; многіе видѣли Его страданія, слышали Его предсмертныя стоны, наконецъ видѣли, какъ Онъ склонилъ главу и испустилъ духъ; но Воскресеніе Его должно было имѣть зрителями только ангеловъ. Онъ воскресъ уже, когда жены приближались ко гробу. Этому такъ и должно было быть, потому что очи грѣшныхъ людей, облеченныхъ плотію, слишкомъ немощны, чтобы созерцать славу Божию, и потому что царствіе Божіе не приходитъ примѣтнымъ образомъ (Лук. 17. 20). Сынъ Божій пришелъ въ міръ и воскресъ изъ мертвыхъ не для того, чтобы видимо царствовать въ мірѣ, но чтобы міръ былъ спасенъ чрезъ Него; посему-то Онъ, окруженный легіонами ангеловъ, и не

восхотѣлъ показаться грѣшному Іерусалиму во всемъ величїи Своей побѣдоносной жизни, иначе какъ бы устояли грѣшники предъ лицомъ Его? Но когда жены, на пути ко святому мѣсту, начали беспокоиться о томъ, кто отвалить имъ камень отъ гроба, то въ это время произошло сильное землетрясеніе. Земля — страна мертвыхъ — потряслась, чтобы выпустить изъ нѣдръ своихъ первенца между спящими и перваго воскресшаго изъ мертвыхъ. Возшедшее послѣ этого солнце и блиставшая въ лучахъ его земля были по истинѣ тѣмъ новымъ небомъ и тою новою землею, которыя изображены въ откровеніи Св. Іоанна (21, 1). Дабы не было сомнѣнія, что Господь воскресъ и исшелъ изъ гроба, былъ ниспосланъ съ неба ангелъ, который отвалилъ камень отъ дверей гроба. Безъ сомнѣнія камень повиновался бы малѣйшему знаку Того, предъ Которымъ трепещетъ земля, но для насъ Онъ пожелалъ при Своемъ воскресеніи окружить себя ангелами, чтобы повѣдать намъ о Своей начавшейся славѣ. Какъ небесный стражъ отверстаго гроба, возсѣдаетъ ангелъ на озаленномъ камнѣ, и замѣняетъ собою тѣхъ, которые были приставлены, чтобы охранять закрытый гробъ. Образъ ангела блеститъ ослѣпительнымъ свѣтомъ воскресшаго, ибо этотъ свѣтъ подобенъ тому, въ которомъ Господь явился ученикамъ Своимъ во время Преображенія (Матѣ 17, 2, Марк. 9, 3). Но иначе дѣйствуетъ этотъ небесный свѣтъ теперь на сторожей, чѣмъ тогда на учениковъ. Не свѣтлымъ солнцемъ явился онъ имъ; но появленіе Его поразило ихъ какъ молнія; объятые ужасомъ они пришли въ трепеть, и стали, какъ мертвые. Такъ точно будетъ и при второмъ пришествіи Сына человѣческаго, Который появится какъ молнія и устраситъ міръ (Матѣ 24, 27); къ отверстымъ гробамъ умершихъ пошлются тогда

ангелы Его съ громогласными трубами, которые и соберутъ избранныхъ Его отъ четырехъ вѣтровъ, отъ края до края неба (Матѳ. 24. 31).

Въ порывѣ исполненной горестію любви, жены, отправляясь раннимъ утромъ съ ароматами и мастьями ко гробу Господню, не подумали о камнѣ, который закрывалъ гробъ. Если бы это препятствіе пришло имъ на мысль, то онѣ, можетъ быть, и не тронулись бы съ мѣста. Но Богъ всегда такъ устрояетъ, что трудности *въ началъ* призванія совершенно убѣгаютъ отъ заботливыхъ мыслей, дабы мы не предались унынію, а если во время пути на сердце наше и падетъ камень, тяжестію своею превышающій христіанскій подвигъ, то являются на помощь ангелы, которые и довершаютъ то, что свыше нашихъ силъ. Такъ точно когда бѣдныя жены начали скорбѣть, говоря: «Ахъ! кто отвалитъ намъ камень отъ дверей гроба,» — камень уже былъ отваленъ. Заглянувъ во гробъ, онѣ не нашли въ немъ тѣла Иисусова. Что говорилъ имъ тогда этотъ отверстый гробъ? Онъ говорилъ имъ, что исполнились слова Господа. Но видъ распятаго Христа такъ сильно отпечатлѣлся въ ихъ сердцахъ, что совершенно изгладилъ собою образъ воскресенія и жизни, переданный имъ предъ тѣмъ словами Иисуса. Марія Магдалина, сильно опечаленная, пока другія жены со страхомъ и горестію осматривали гробъ, поспѣшила назадъ въ городъ возвѣститъ ученикамъ, что злоба нечестивыхъ предупредила любовь вѣрныхъ и похитила тѣло Иисусово, которое онѣ хотѣли помазать. Между тѣмъ ангелы возвѣстили радостную вѣсть ея спутницамъ. Какъ прежде они возвѣщали зачатіе и рожденіе Его на землѣ, такъ и нынѣ радостная вѣсть о Его воскресеніи изошла изъ ихъ же устъ. Какъ служили они Господу, искушаемому діаволомъ въ пустынѣ, такъ и нынѣ

явились они служить Ему какъ побѣдителю діавола, грѣха и смерти. Когда Господь родился, ангелы пѣли въ горнихъ высотахъ: «Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ», нынѣ же они на землѣ у гроба Воскресшаго возвѣщаютъ намъ, что *Имѣ все примирено, все умиротворено чрезъ Него, кровію Креста Его, и земное, и небесное* (Кол. 1, 20). Какая радость должна была сіять на лицахъ ангельскихъ! Ибо если они радуются объ одномъ кающемся грѣшникѣ, то сколько должны радоваться искупленію всего потеряннаго міра, которое теперь совершилось. Теперь - то исполнилось сказанное Господомъ: *отнынѣ будете видѣть небо отверстымъ и ангеловъ Божіихъ восходящихъ и нисходящихъ къ Сыну Человѣческому* (Іоан. 1, 51). И такъ нѣтъ уже тайнаго соединенія между небомъ и землею, нѣтъ разъединенія между блаженными духами и грѣшными людьми; но наступило явное и полное единеніе ангеловъ съ человѣками. Что въ началѣ Богъ соединилъ, что діаволъ разъединилъ грѣхомъ и что послѣ того стремилось одно къ другому, то снова встрѣтилось и соединилось у гроба Іисуса. И сколь свято и любвеобильно это соединеніе! Блаженные духи радуются, что отнынѣ могутъ раздѣлять свое собственное, вѣчное блаженство съ тѣми, которые чрезъ грѣхъ его лишились и содѣлались несчастными. И кто же могъ возвѣститъ людямъ эту великую радость какъ не сами ангелы? Между всѣми сотворенными существами только они самые способные для подобнаго посланничества и притомъ самые достойные вѣры

Жены пришли въ трепетъ, но не такъ какъ стражи гроба. Они были поражены тѣмъ небеснымъ свѣтомъ, который палъ на ихъ грѣшное земное естество, но не были въ состояніи внять словамъ ангеловъ: «не бойтесь!» вы

ищите Иисуса Назарянина распятаго, вы носите образъ Его въ вашемъ сердцѣ, мы сами третій день съ удивленіемъ взираемъ на Его раны и покланяемся Ему, какъ закланному агнцу, но покланяемся въ тоже время какъ живому. А вы? *«что ищите живаго между мертвыми.»* Онъ живъ, но не потому, что воскресъ, но воскресъ потому, что живъ. *Богъ воскресилъ Его, разсториувъ узы смерти; потому что ей невозможно было удержатъ Его* (Дѣян. Апост. 2. 24), *ибо въ Немъ была жизнь и жизнь была свѣтъ чловѣковъ* (Іоан. 1. 4); *Онъ есть хлѣбъ жизни* (Іоан. 6 и 35), *начальникъ жизни* (Дѣян. Апост. 3 и 15); *какъ Отецъ имплетъ жизнь въ Самомъ Себѣ: такъ и Сыну далъ импть жизнь въ Самомъ Себѣ* (Іоан. 5. 26). Поэтому хотя скорби смерти и разорвали союзъ души съ тѣломъ, и содѣлали мертвеннымъ Его пресвятое тѣло, однако неразрывный союзъ, соединявшій въ Немъ естество Божеское съ чловѣческимъ, остался во всей цѣлости. Если мы вѣримъ въ Иисуса Назарянина распятаго какъ въ Сына живаго Бога, то для насъ стануть совершенно понятными слова ангеловъ: *что ищите живаго между мертвыми.* За сими словами слѣдуетъ дивное благовѣстіе: *«Его нѣтъ здѣсь: Онъ воскресъ!»* т. е. Его нѣтъ ни на мѣстѣ смерти, ни во гробѣ: Онъ среди жизни и славы, тамъ ищите Его!

Онъ воскресъ! Это благовѣстіе, возвѣщенное ангеломъ, содѣлалось, такъ сказать, главною печатью всѣхъ благовѣствованій Апостоловъ, такъ что св. апостолъ Павелъ говоритъ: *«если Христосъ не воскресъ; то вѣра ваша тщетна: вы еще во грѣхахъ вашихъ»* (I. Кор. 15. 17). Онъ воскресъ и я, искупленный грѣшникъ, принадлежу Ему, живу въ Его царствіи и служу Ему въ правдѣ, невинности и блаженствѣ. И это дѣйствительно такъ, потому что самъ

Господь сказалъ: *Я живу и вы жить будете* (Іоан. 14, 19). Такъ какъ Христось воскресъ, то вѣра моя не тщетна, но имѣетъ твердое основаніе, ибо я вѣрую, что Христось истинный Богъ, отъ вѣчности рожденный отъ Отца и истинный человѣкъ, рожденный отъ Дѣвы Маріи, есть мой Господь, Который искупилъ меня отъ грѣха, смерти и діавола не золотомъ и серебромъ, но Своею драгоцѣнною кровію, своими вольными страданіями и смертію. Эти страданія были примирительною жертвою, принесенною правосудію Божію за грѣшный міръ. Ибо такъ говоритъ апостоль Павелъ: *мы въруемъ въ Того, кто воскресилъ изъ мертвыхъ Іисуса, Господа нашего, Который преданъ за грѣхи наши, и воскресъ для оправданія нашего* (Римл. 4. 24, 25). Самое воскресеніе онъ изображаетъ дѣломъ примиренія, говоря: *«Кто осуждаетъ? Христось умеръ, но и воскресъ: Онъ и одесную Бога, Онъ и ходатайствуетъ за насъ.* (Рим. 8. 34). Благоволеніе отца, принадлежащее вѣчному сыну, принадлежитъ также и намъ, его братьямъ по плоти. Объ этомъ говоритъ Писаніе: *Онъ облагодѣтельствовалъ насъ въ Возлюбленномъ* (Ефес. 1. 6). *Любовь, которою отецъ возлюбилъ сына, пребываетъ въ насъ, потому что Онъ въ насъ* (Іоан. 17. 26). Поэтому крещеніе называется: *«союзомъ доброй совѣсти съ Богомъ чрезъ воскресеніе Іисуса Христа* (I. Петр. 3. 21). И такъ Господь Іисусъ Христось искупилъ меня отъ смерти; въ этомъ убѣждаетъ меня Его воскресеніе. *Поглощена смерть побѣдою. Смерть! идъ твое жало? адъ! идъ твоя побѣда?* (I. Кор. 15. 55). Жало смерти уничтожено въ умерщвленномъ Агнцѣ Божіемъ; сила же грѣха, законъ обезсиленъ такъ, что не предастъ болѣе клятвѣ, ибо для удовлетворенія его довольно было сдѣлано на дровѣ проклятія, на которомъ висѣла за насъ жертва:

воскресшаго Христа не коснется болѣе смерть; *мы знаемъ, что Христосъ, воскресши изъ мертвыхъ, уже не умираетъ; смерть уже не имѣетъ надъ Нимъ власти. Ибо, что Онъ умеръ, то умеръ однажды для грѣха, а что живетъ, то живетъ для Бога. Такъ и вы почитайте себя мертвыми для грѣха, живыми же для Бога во Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ* (Рим. 6, 9—11). Называя смерть Распятаго нашею смертію (2 Кор. 2. 14), Апостолъ жизнь воскресшаго называетъ нашею жизнію (Ефес. 2. 6- Кол. 3. 1). И самъ Господь говоритъ: *Я есмь воскресеніе и жизнь; вѣрующій въ Меня, если и умретъ, оживетъ. И всякій живущій и вѣрующій въ Меня не умретъ во вѣкъ* (Іоан. 11. 25, 26). Смерть поглощена побѣдою. Христосъ окончательно искупилъ меня отъ насилія діавола: въ этомъ убѣждаетъ меня Его воскресеніе: Господь понесъ на Себѣ всю тяжесть грѣховъ нашихъ, вознесъ ихъ на крестъ и омылъ ихъ Своею кровію. Этимъ Онъ отнялъ у діавола власть и силу, которыми этотъ ненавистникъ рода человѣческаго держалъ весь міръ. Распятый и Воскресшій, который былъ убіенъ какъ агнецъ и побѣдилъ какъ левъ, говоритъ: *Я есмь первый и послѣдній, и живой; и былъ мертвъ, и се живъ во вѣки вѣковъ, аминь. И имѣю ключи ада и смерти* (Откр. 1. 17, 18). Подобно тому, какъ побѣдитель уноситъ съ собою ключи завоеванной крѣпости, такъ и воскресшій Христосъ уноситъ ключи ада и смерти. Онъ запираетъ адъ и смерть для вѣрующихъ въ Него, и діаволъ не можетъ ихъ отпереть (Откр. 3. 7). И такъ если примирительною жертвою Христа отнята у діавола власть надъ нашими грѣхами, то значить и господство его разрушено: грѣхъ уже не можетъ болѣе властвовать надъ нами, потому что мы живемъ одною жизнію съ нашимъ главою—

Христомъ, тѣло котораго мы составляемъ (Рим. 6). *Благоволень Богъ и Отецъ Господа нашего Иисуса Христа, по великой Своей милости, возродившій насъ воскресеніемъ Иисуса Христа изъ мертвыхъ къ упованію живому* (I. Петр. 1. 3).

Теперь познаемъ мы, почему апостоль Павелъ называетъ воскресеніе Христово необходимою крѣпостью нашей вѣры. *Ибо слово о Крестѣ для погибающихъ есть безуміе, а для насъ спасаемыхъ сила Божія* (I. Кор. 1. 18); но это слово о Крестѣ потому и есть сила Божія, что оно слышалось подлѣ отверстаго гроба Воскресшаго и повѣдаетъ намъ о томъ, кто живетъ тамъ во вѣки вѣковъ. Потому-то Христосъ и отдалъ жизнь Свою, *чтобы снова принять ее* (Иоан. 10. 17).

Жены осматривали мѣсто, гдѣ лежало тѣло Господа: тамъ было пусто. Сколько желательно было бы для нихъ, чтобы ангель, вмѣсто сего пустаго мѣста, указалъ имъ на настоящаго живаго Христа. Но сначала онѣ должны были вѣрить, а потомъ видѣть. Къ чему это такъ? Къ чему непременно этотъ основной законъ царствія Божія на землѣ? Богъ не желаетъ видѣть плачъ и рыданіе дѣтей Своихъ. Онъ всегда готовъ ихъ утѣшить. Почему же въ настоящемъ случаѣ Онъ медлитъ послать Свое откровеніе, котораго такъ жаждутъ всѣ сердца? Но довольно для насъ знать, что и въ этомъ промедленіи высказывается неизреченная любовь Его къ намъ. Онъ допускаетъ это промедленіе потому, что оно для насъ благо. Богъ передаетъ воскресеніе Христа женамъ сначала словомъ, а потомъ допускаетъ узрѣть Его и тѣлесными очами для того, чтобы и мы, слѣдующіе по стопамъ женъ ко святому гробу, обняли слово вѣрою, а послѣ — и притомъ скоро, узрѣли Его *тамъ*. Если мы, дойдя до вновь отверстыхъ две-

рей рая, обратимся назадъ и спросимъ о причинѣ потери рая, то увидимъ, что этимъ же самымъ путемъ діаволь довелъ насъ до паденія. Обвивъ, такъ сказать, грѣхъ, скрылъ онъ его въ своихъ словахъ, въ этомъ скрытомъ видѣ чрезъ слухъ провель его въ наше сердце и тѣмъ отравилъ все наше естество. Спаситель нашъ, искупляя насъ отъ этого грѣха, идетъ тоже по пути нашего паденія; онъ облакаетъ искупленіе отъ грѣха, проклятія и смерти въ Свое слово, и приноситъ намъ помилованіе жизни также чрезъ слухъ въ сердце. И такъ жены должны сперва вѣрить, а потомъ видѣть. Поэтому ангель и подгрѣпляетъ свое благовѣстіе словами Господа, безъ чего и ангельское откровеніе не имѣло бы достовѣрности. Онъ напоминаетъ имъ о тѣхъ предсказаніяхъ Христа о Своей смерти и Своемъ воскресеніи, которыя онѣ слышали изъ устъ Его въ Галилеѣ. Онѣ вспомнили при этомъ обѣщаніе Иисуса по Своемъ воскресеніи предварить Своихъ учениковъ въ Галилеѣ (Матѣ. 29. 22) и тамъ явиться имъ во славу. Поэтому онѣ и спѣшатъ теперь въ Галилею, чтобы извѣстить учениковъ о воскресеніи Господа, и увидѣть Его Самаго. И такъ проповѣдь ангельская возымѣла свое доброе дѣйствіе, проистекшее изъ вѣры въ благовѣстіе. Вся наша жизнь есть не болѣе какъ отшествіе изъ мѣстъ скорби и страданія въ небесную Галилею, чтобы узрѣть Иисуса и Его славу. Можно было бы сказать, что блаженные ангелы удержались отъ того, чтобы передать вѣсть о воскресеніи Господа ученикамъ, дабы исполненіе этого святаго долга выпало на долю женъ. Между всѣми учениками ангеломъ именуется Петръ: *«Скажите это Его ученикамъ и Петру.»* Горькія слезы любимаго ученика особенно тронули Господа и Онъ спѣшитъ утѣшить его радостною вѣстію. Проповѣди Петра въ апостольской исторіи и его посланія

показываютъ намъ, что радостное сѣмя пасхальной вѣсти нашло въ его сердцѣ самую воспримчивую почву, потому что воскресеніе Христова — основа христіанской надежды, источникъ утѣшенія въ печали, составляетъ главную тему его апостольскаго благовѣствованія.

Принявъ ангельскую вѣсть, побѣжали жены отъ гроба, какъ выражается евангелистъ Маркъ. Великая радость и великій страхъ боролись между собою въ ихъ сердцахъ. Сначала радость взяла верхъ и онѣ побѣжали, чтобы сообщить ее ученикамъ Его, но скоро, даже на пути, ихъ веселіемъ овладѣлъ страхъ содѣлаться вѣстницами воскресенія Христова и онѣ *никому ничего не сказали*. Только появленіе Спасителя и кроткія слова Его: «не бойтесь» развязали ихъ уста. Да будетъ и для насъ пасхальное слово о воскресеніи предвѣстникомъ небесной радости и началомъ твердаго упованія. Да возносится наша пламенная молитва о томъ, чтобы мы окончили земные дни наши не ранѣе, пока жизнь наша не пустить глубокихъ корней своихъ въ источникъ жизни и пока мы силою благовѣстія о Его воскресеніи не воскреснемъ къ новой лучшей жизни.

Господи Іисусе Христе! Воскресеніе Твое искупило насъ отъ страха смерти, который держалъ насъ въ рабствѣ во всѣ дни нашей жизни. Сподоби насъ возрадоваться Твоему воскресенію и исполни сердца наши тѣмъ живымъ упованіемъ, съ которымъ мы могли бы постоянно стремиться къ неизмѣняемому, неувыдаемому и чистому наслѣдію, приготовленному намъ на небесахъ. Доколѣ празднуемъ мы пасху въ мѣстѣ нашего странствія, дотолѣ слышимъ мы среди общества вѣрующихъ благовѣстіе о Твоей побѣдѣ. Поэтому будь милостивъ къ намъ и облеки насъ украшеніемъ ис

купленнаго Твоего народа , дабы Тебѣ были благопріятны приносимыя нами искреннія жертвы. Господи Іисусе ! Ты источникъ жизни , имѣющій ключи ада и смерти, помилуй насъ въ послѣдній часъ нашъ и въ часъ нашего воскресенія ради Твоей собственной смерти и Твоего собственного воскресенія !

(Съ Нѣмецкаго).

ВЕЧЕРНЯ

въ Великой Константинопольской церкви, въ первый день
Святыя Пасхи *).

Великая Константинопольская церковь доселѣ сохранила древній обычай отправлять вечерню въ первый день св. Пасхи, съ нѣкоторыми особенностями, придающими Богослуженію нарочитую торжественность. Вселенскій Патріархъ не только присутствуетъ при семъ Богослуженіи, но и совершаетъ оное самъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ. Это не вечерня, но, какъ называютъ ее Греки, второе воскресеніе (*δευτέρα ἀνάστασις*). Многочисленнѣйшее стеченіе православнаго народа всѣхъ племенъ и націй, въ разнообразныхъ праздничныхъ костюмахъ, и съ лицами, оживленными весе-

---

*) Эта вечерня, въ томъ видѣ, какъ описана, пѣта была въ 1852 году при патріархѣ Анеимѣ, бывшемъ на Константинопольскомъ патріаршемъ престолѣ уже во второй разъ, и извѣстномъ подъ названіемъ *Κωνσταντινπολίτης*, въ отличіе отъ предшественника своего, тоже Анеима, и называвшагося *κουταλινός*, по мѣсту рожденія въ селеніи *κουτάλι*, на берегу Мраморнаго моря, противу острова *μαρμαρά*.

ліемъ и радостію, обыкновенно возвышаетъ общую радость дня сего, и самой торжественности Богослуженія придаетъ особенный характеръ.

Но эта празднственная радость православія весьма значительно усугублена была нынѣ присутствіемъ при патріаршемъ служеніи всей православной дипломатической трибуны, состоящей при высокой портѣ, — всѣхъ представителей православныхъ царствъ и народовъ. Депутаты Сербскій и Молдо-Влахійскій, греческій посланникъ Метаксасъ съ своими чиновниками, и наконецъ русскій посланникъ В. П. Титовъ съ первымъ русскимъ драгоманомъ Аргиропуло, чиновникомъ отъ намѣстника Кавказскаго, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Лелли и съ секретарями миссіи, посѣтили святѣйшаго предъ вечернею, и потомъ всѣ присутствовали при службѣ Божіей во храмѣ патріаршемъ. Зрѣлище было трогательное и весьма утѣшительное для сердца православнаго. Маститый Патріархъ Константинопольскій, если когда, то особенно въ это Богослуженіе, видимъ былъ патріархомъ православно вселенскимъ.

Я вошелъ въ Синодиконъ около половины одинадцатаго часа дня; всѣ означенные чиновники уже были тамъ и сидѣли по лѣвую сторону патріарха. Поздравивъ Его Святѣйшество съ праздникомъ, и принявъ отъ него обычное благословеніе, я помѣстился тамъ же, между своими. Вскорѣ затѣмъ, по знаку Патріарха, вторствующій діаконъ (*δευτερεύων*) подошелъ ко мнѣ и отъ имени святѣйшаго предложилъ, не хочу ли и я участвовать съ нимъ въ вечернемъ Богослуженіи и прочитатъ Евангеліе на славянскомъ языкѣ. Съ радостію принято было мною это предложеніе, тѣмъ паче, что г. посланникъ предварительно уже изъявилъ на то свое согласіе.

Синодиконъ или присутственная зала, въ которой обыкновенно собирается Святейшій Синодъ Великія Константинопольскія церкви (*ἡ περὶ τῆς Παναγιότητος τοῦ ἱεραὸς σὺνόδου*) въ другое время не имѣеть въ себѣ ни столовъ, ни стульевъ; одни сплошные и широкіе диваны, плотно прислоненные къ тремъ стѣнамъ залы, тянутся по всей длинѣ ихъ. Но въ настоящее время посрединѣ залы стоялъ большой круглый столъ, на которомъ разложено было полное патриаршее облаченіе и регаліи.

Все облаченіе было наше — русское (подризникъ изъ бѣлаго насыпнаго, а все прочее изъ желтаго глазета), но весьма не высокаго достоинства. По невидности своей и малоцѣнности, оно никогда не употребляется самимъ Патриархомъ; теперь же подано было, собственно по случаю прихода къ службѣ русскаго посланника и всѣхъ членовъ русскаго посольства. Между регаліями особенное обращали на себя вниманіе а) золотая (нешитая или тканная, но кованая) древней формы, корона Византійскихъ царей съ жемчужными и діамантовыми украшениями, и съ крестомъ на верху изъ сапфировъ и брилліантовъ; б) брилліантовая панегія (*ευκόλιον*), принесенная въ даръ Императоромъ Θεодосіемъ младшимъ Пресвятой Богоматери, на Ея всечестную икону, именуемую *Влахернскою*. Эта панегія имѣеть форму звѣзды и должна бы висѣть на означенной иконѣ, стоящей въ церкви Св. Великомученика Димитрія, что въ Ксилопортѣ, но по цѣнности своей хранится тамъ особо; въ первый же день Пасхи приносится въ Патриархію и надѣвается Патриархомъ для совершенія великой вечерни; наконецъ в) наперсный золотой крестъ, небольшой и небогатый по украшенію и работѣ, но неоцѣненный по заключающейся въ немъ святыни, — это частицы отъ животворящаго древа Господня.

Спустя не много по моемъ приходѣ, вошли въ залу преосвященные митрополиты и по обычномъ цѣлованіи Патріарха, сѣли по правую руку. Въ одинадцать часовъ вошли діаконъ, іеромонахи и архимандриты для принятія благословенія, и, по облаченіи, послѣдніе два чина расположились въ ближайшей залѣ, а архидіаконъ и девтеревонъ — второй діаконъ съ кадилницами, три діаконъ съ рипидами и большимъ выноснымъ крестомъ, шесть діаконъ съ трикиріями и восемь человекъ пѣвчихъ (въ обыкновенной мірской одеждѣ), предшествуемые лампадаріемъ, снова вошли въ залу синодальную и расположились предъ столомъ.

По знаку протосинкелла, наблюдавшаго за порядкомъ церемоніи, я взялъ благословеніе у Патріарха, а за мною всѣ митрополиты, и стали всѣ облачаться въ полное облаченіе, также какъ и самъ святѣйшій. Пѣвчіе пѣли: *да возрадуется душа твоя о Господь*, а архидіаконъ возглашалъ изъ псалмовъ тоже самое, что и у насъ при облаченіи преосвященныхъ.

По окончаніи облаченія, процессія двинулась изъ синодикона въ слѣдующемъ порядкѣ: первѣе всѣхъ шелъ лампадарій, за нимъ два діаконъ съ рипидами и въ срединѣ ихъ діаконъ съ крестомъ; за тѣмъ діаконъ съ трикиріями и дикиріями, а за ними архидіаконъ и девтеревонъ съ кадилами, потомъ четыре пары іеромонаховъ и двѣ — архимандритовъ. Это отдѣленіе заключалось протосинкелломъ и великимъ экономомъ, кои несли большое сребро-позлащенное Евангеліе, изящной работы, пожалованное Патріархіи отъ нашего Двора. За Евангеліемъ шли пѣвчіе, состоящіе изъ однихъ басовъ и теноровъ и продолжавшіе девятый часъ, начатый еще въ Синодиконѣ. Я сталъ въ рядъ архимандритовъ предъ Евангеліемъ, но святѣйшему угодно было, чтобы я шелъ за

Евангеліемъ. За мною непосредственно слѣдовали преосвященные въ камилавкахъ съ клобуками *) и съ Евангеліями въ рукахъ. Рядъ святителей заключалъ первосвятитель, держа въ одной рукѣ также небольшое Греческое Евангеліе, весьма хорошо оправленное въ серебро, а въ другой свой патриаршій жезлъ (гораздо выше нашихъ архіерейскихъ посоховъ, но формою костыля и безъ сулка). Такимъ образомъ настоящее шествіе патриарха во храмъ было въ собственномъ смыслѣ *со славою*.

Спустившись на послѣднюю террасу крыльца и видя предъ собою море волнующагося народа, наводнявшаго всю площадь двора патриаршаго, а вокругъ себя многочисленный соборъ освященныхъ, послѣдуемыхъ сонмомъ святителей и наконецъ самимъ Кириархомъ православія, я трепеталъ отъ душевнаго восторга и невольно перенесся мыслію къ минувшимъ временамъ великихъ Юстиніановъ и Константиновъ, когда православная церковь Божія сіяла полнымъ блескомъ своего величія и славы. Девятисотчисленный клиръ, окружавшій патриарха и величественнѣйшій въ мірѣ храмъ премудрому Богу, — Богу вѣдомому и живому, блеснули въ моей памяти, какъ свѣтлые метеоры, давно исчезнувшіе во мракѣ прошедшаго. Я готовъ былъ предаться сладкимъ мечтамъ о св. Софіи, но предстоявшая существенность остановила мои восторги. Предъ нами былъ храмъ, въ который направлялось наше шествіе; предъ нами было жалкое *minimum*

---

*) Преосвященные всѣхъ восточныхъ патриархатовъ, участвуя въ служеніи съ патриархами, никогда не употребляютъ ни митры, ни панагій. Но служа одни, надѣваютъ и кресты и митры и панагій. Мнѣ приказано было облачиться какъ обыкновенно; но отъ митры я отказался рѣшительно; изъ крестовъ же надѣлъ только кавалеріи. Замѣтивъ это, святѣйшій подозвалъ меня и лично предложилъ надѣть мнѣ и наперсный крестъ.

Боголѣпнаго святилища, воздвигнутаго рукою безсмертнаго Юстиніана; предъ нами было четверугольно-продолговатое зданіе, болѣе похожее на обыкновенный домъ, чѣмъ на христіанскую церковь, — зданіе мрачное, поникшее, весьма тѣсное для вселенскаго престола, и безъ главы возглавленное желѣзнымъ крестомъ. Вотъ, думалъ я, живое изображеніе если не внутренняго то виѣшняго, нынѣшняго состоянія Великой церкви Константинопольской! Но я подавилъ въ себѣ эту скорбную мысль, какъ неблаговременную и несомвѣстную ни съ величіемъ праздника, ни съ торжественностію процессіи.

Протѣснившись сквозь густую массу народа, мы вошли въ храмъ западными дверьми. Нельзя передать русскому, не бывшему на востокѣ, того, что представилось взору моему при взгядѣ на внутренность храма, ибо наши храмы много не похожи своимъ внутреннимъ устройствомъ на храмы греческіе. Не говоря уже о помостѣ церковномъ, клиросы и такъ называемыя стасидіи (отдѣльныя мѣста для стоянія, устроенныя по срединѣ церкви въ два ряда и по стѣнамъ, почти отъ дверей до иконостаса) покрыты были народомъ въ фескахъ и безъ фесокъ, держащимся за что только было можно. Базалось, люди стояли одни на головахъ другихъ, въ нѣсколько рядовъ.

По прибытіи въ алтарь, митрополиты стали вокругъ престола, съ трехъ сторонъ; меня поставили прямо противу патріарха, который одинъ стоялъ у лицевой стороны св. трапезы. Всѣ прочіе архимандриты и іеромонахи стали позади насъ, образуя второй рядъ. Непосредственно за симъ святѣйшій, принявъ отъ архидіакона кадило, и, знаменуя онымъ крестообразно св. престолъ, возгласилъ: «Слава Святѣй и Единосущнѣй и Животворящей» и т. д. По прои́тїи въ ал-

тарѣ и на клиросахъ по трижды *Χρισὸς ἀνέστη*, (Христось воскресе), Патріархъ началъ возглашать стихи такимъ образомъ: стоя предъ престоломъ, по срединѣ: *да воскреснетъ Богъ*; перешедъ на правый уголъ престола: *яко исчезаетъ дымъ*; ставъ на юго-восточномъ углѣ онаго — *такъ да погибнутъ грѣшницы отъ лица Божія*: потомъ, предъ престоломъ, посрединѣ, лицомъ на западъ: *сей день, его же сотвори Господь*; на сѣверо-восточномъ углѣ онаго: *слава*; на сѣверо-западномъ *и нынѣ*. Митрополиты и всѣ освященные, стоявшіе въ алтарѣ, раздѣлившись на двѣ стороны, отвѣтствовали на каждый стихъ патріарха пѣніемъ, Христось воскресе, по-гречески и по-русски, попеременно. За тѣмъ обычная эгтенія и Господи воззвахъ.

При пѣніи Господи воззвахъ, патріархъ началъ кажденіе храма. Не смотря на множество народа и тѣсноту, оно было довольно благолѣпно и торжественно. Четыре каваса открывали путь; за ними лампадарій, а за симъ архидіа, конь. Самаго Патріарха сопровождали восемь діаконовъ съ трикиріями и дикиріями. Кажденіе продолжалось до самой *славы*, при пѣніи которой святѣйшій возвратился въ алтарь, а при пѣніи *и нынѣ*, снова вышелъ изъ него съ жезломъ и въ сопровожденіи іереевъ и діаконовъ. Обыкновенной архіерейской каеэды посрединѣ церкви теперь не было. Святѣйшій взошелъ на свой патріаршій тронъ *), и стоялъ

*) Патріаршій тронъ не посрединѣ храма, а у правой колонны и обращенъ лицомъ къ сѣверу. Онъ стоитъ на овальномъ амвонѣ о трехъ ступенькахъ, покрытыхъ краснымъ сукномъ. Форма его — просторное кресло съ высокою спинкою, а спинка оканчивается навѣсомъ въ родѣ балдахина. Тронъ весь деревянный и довольно прилично украшенъ перламутромъ разныхъ цвѣтовъ въ стародревнемъ восточномъ вкусѣ. Увѣряютъ, что этотъ тронъ есть тотъ самый, который былъ во храмѣ св. Ирины, и съ котораго Златоустъ защищалъ Евтропія и обличалъ неистовство новой Иродіады.

тамъ доколѣ не окончилось пѣніе догматика. Когда же потомъ запѣли: «Свѣте тихій», онъ взялъ трикирій и дигирій, сошелъ съ трона и, осѣнивъ народъ въ царскихъ вратахъ, сталъ предъ престоломъ, и началъ возглашать великій прокимень со стихами. Преосвященные и всѣ находившіеся въ алтарѣ, раздѣлившись, какъ и прежде, на два лика, отвѣтствовали ему довольно протяжнымъ пѣніемъ, на каждый стихъ.

За тѣмъ святѣйшій взошелъ *εις τὸ σύνθρονον* — на горнее мѣсто — для чтенія Евангелія. Четыре митрополита стали на возвышеніе по правую руку его (на лѣвой стояли посланники и депутаты съ своими чиновниками), а прочіе остались по ту и другую сторону престола. Для меня поставленъ былъ аналой съ славянскимъ Евангеліемъ въ царскихъ вратахъ, лицомъ къ народу; протосинкелъ сталъ на первой ступени патріаршаго трона въ самой церкви, а архидіаконъ на своемъ амвонѣ (діаконскій амвонъ находится при одномъ изъ столбовъ съ лѣвой стороны церкви, какъ наши проповѣдническія кафедры, только гораздо выше ихъ, и обращенъ лицомъ на югъ).

Началу чтенія Евангелія предшествовалъ довольно пріятный звонъ въ три полуколокольчика, держимые парекклисіархами въ разныхъ мѣстахъ алтаря. Въ это же самое время зажжены были всѣ поликандила (паникадила), коихъ было въ храмѣ до семидесяти, и всѣ свѣчи, бывшія предъ мѣстными иконами и въ рукахъ предстоявшихъ. Тройственный свѣтъ, — свѣтъ разноцвѣтныхъ агіоверій *), свѣтъ хру-

*) *ἀγιοκέρια* — святые свѣчи. Такъ называются свѣчи, которыя дѣлаются Греками изъ одного воску, собственно для храма. Восковыя свѣчи, употребляемыя Турками, въ своихъ мечетяхъ, а также и Греками въ домахъ, дѣлаются изъ воску пополамъ съ бараньимъ саломъ.

стальныхъ поликандиль и свѣтъ яркаго полудневнаго солнца, слившись въ одно лучезарное блистаніе, казался какъ бы изображеніемъ того Божественнаго свѣта, коего исполнилось, въ востаніе Христова, небо же и земля и преисподняя.

Чтеніе началъ патріархъ на греческомъ языкѣ словами: «И осподобитися намъ.» Всѣхъ читающихъ было двѣнадцать лицъ и всѣ въ свою череду повторяли возглашенное патріархомъ на четырехъ языкахъ: на греческомъ, славянскомъ, арабскомъ и турецкомъ. За тѣмъ: «премудрость прости, услышимъ святаго Евангелія,» повторенное также всѣми. Благожеланіе мира преподаль одинъ святѣйшій, а потомъ за нимъ всѣ повторили «отъ Іоанна св. Евангелія чтеніе»; и «вонмемъ.» Евангеліе: *сущу поздѣ* раздѣлено было на пять чтеній, а при окончаніи каждаго чтенія каждымъ изъ лицъ читающихъ, раздавался звонъ въ тѣже малые кампаны, подобно нашему звону, называемому переборомъ или переводомъ.

Русскіе звуки, слышимые подъ сводами греческими, въ нѣдрахъ самой матери нашей во вѣрѣ, и произносимое однимъ изъ служителей церкви русской, первородной святой дщери ея, обратили на себя особенное вниманіе предстоящихъ. И легко быть могло, что не я одинъ думалъ при семъ, во глубинѣ души, что дѣйствительно однимъ и тѣмъ же духомъ движутся и живутся православные востокъ и сѣверъ; ибо тамъ и здѣсь единъ Господь, едина вѣра, едино исповѣданіе, едино служеніе, и что св. церковь Христова, не смотря на разстояніе мѣста и времени воистину есть Церковь единая и соборная.

Чтеніе Евангелія продолжалось около получаса, и оно составляло существеннѣйшую часть Богослуженія; ибо по сказаніи слѣдующихъ за тѣмъ эктеній, большой и проси-

тельной, священная процессія начала обратное шествіе изъ храма тѣмъ же порядкомъ, хотя не тѣмъ же путемъ. Выходъ послѣдовалъ въ алтарную дверь съ восточной стороны.

Прекрасная живая картина снова представилась взору моему, по выходѣ изъ храма. Все пространство двора церковнаго и съ сей стороны, такъ же, какъ съ западной, и даже вся улица, прилегавшая къ нему, покрыты были множествомъ народа, большею частию простаго, но не поколебимаго въ исповѣданіи вѣры отцевъ своихъ. Не могли проникнуть во внутренность храма, всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали появленія праздничнаго шествія. И когда показались геронды—святители *), а во главѣ ихъ самъ Киріархъ, такъ рѣдко видимый народомъ: все, что было внутри и внѣ двора, благоговѣнно преклонилось предъ освященнымъ соборомъ, и потомъ двинулось къ нему неотразимымъ приливомъ, не говорю, чтобы облобызать св. Евангеліе, или принять благословеніе, но чтобы прикоснуться, по крайней мѣрѣ, къ священной одеждѣ своихъ архипастырей. Не смотря на усилія патриаршихъ кавасовъ, употреблявшихъ всѣ мѣры, и даже не со всѣмъ кроткія, чтобы раздвинуть толпу, невозможно было идти впередъ. Надобно было остановиться и стоять не мало. Наконецъ открылась узкая тропа между двухъ стѣнъ народа, и шествіе возобновилось.

---

*) Герондами — *Γέροντες*, старцы — называются митрополиты первыхъ осьми епархій, которые почти всегда живутъ въ Константинополѣ и присутствуютъ въ синодѣ. Они имѣютъ отличіе и въ титулѣ; тогда какъ прочіе митрополиты называются *παιρωτάτος* — преосвященнѣйшими, геронты титулуются *σεβασμώτατος* — почтеннѣйшими.

Евангеліе — эта новозавѣтная святыня, этотъ истинный кивотъ Господень, заключающій въ себѣ слова Божія, изглаголанная не чрезъ пророковъ, какъ древле, но чрезъ самаго Единороднаго, предшествовало, какъ и прежде, сонму іерарховъ, окруженныхъ христоролюбивымъ народомъ, въ веселіи празднующимъ пасху новую и святую. Пѣвчіе начали пасхальные стиховны, и торжественные припѣвы: *да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его* довольно громко раздавались подъ открытымъ небомъ. Такъ древній Израиль, освятивъ себя празднованіемъ законной пасхи, шелъ нѣкогда отъ горы синайской, при подобныхъ восклицаніяхъ и въ предшествіи кивота Божія: *и отъидоша отъ горы Господни, и кивотъ завѣта Господня предъидяше предъ ними. И бысть егда воздвижаху кивотъ, и рече Моисей: востани Господи и разсылются врази Твои и да бѣжатъ вси ненавидящій Тебе.* (Числ. 10. 23, 24).

Но тамъ было, думалъ я, все образы, все сѣнь; мы же зримъ самое исполненіе, осуществленіе тѣхъ образовъ. Для насъ возсіяло изъ гроба истинное *Солнце правды*. Наша пасха не единолѣтній агнецъ отъ стады овчихъ, но Агнецъ Божій, предувѣдѣнный отъ сложенія міра. Ветхозавѣтная пасха сама въ себѣ не имѣла никакого значенія; характеръ ея былъ, съ одной стороны, прообразовательный, а съ другой, — воспоминательный и частный. Не она даровала свободу Израилю; она служила только символомъ свободы. Да и самая свобода, ея воспоминаемая, была лишь внѣшняя и плотская. Сущность ея заключалась въ переселеніи изъ страны порабощенія въ страну свободную, но отнюдь не въ переводеніи отъ рабства грѣха и смерти въ свободу благодатныхъ чадъ Божіихъ. Наша пасха, сама въ себѣ, есть фактъ историческій и знаме-

нательный въ высшей степени. Она есть событіе, объемлющее своими благотворными послѣдствіями все времена, всѣхъ людей и всю вселенную. Она есть начало обновленія міра, благодатное искупленіе грѣховъ чловѣчества, свобода отъ духовнаго рабства и вѣчной смерти, возрожденіе въ жизнь святую, залогъ нескончаемаго блаженства въ небѣ, гдѣ вѣчная правда и вѣчная слава. И вотъ почему, продолжалъ я думать, болѣе и болѣе воодушевляясь радостію и устремивъ взоръ на небо, вотъ почему съ такимъ веселіемъ и торжествомъ мы празднуемъ востаніе Твое изъ гроба, Божественный Обновитель! Намъ срадуются вѣки и вѣчность, земля и небо. И таинственно приобщаясь Тебѣ нынѣ, духъ нашъ восторгается, предвкушая небесныя радости. Что же будетъ въ самое обновленіе и освобожденіе всей твари отъ рабства и тлѣнія, — что будетъ тогда, когда Ты, о пасха велія и священнѣйшая, Христе, сподобишь насъ истѣе Тебѣ причащаться, въ невечернемъ дни царствія Твоего!

Съ симъ восторженнымъ чувствомъ, веселою ногою вступилъ я въ залу, наполненную, кромѣ дипломатовъ, множествомъ посѣтителей изъ грековъ, принадлежащихъ къ разряду прухондовъ (*προϋχοντες*); въ числѣ ихъ были Стефанаки Вугориди, — князь Самосскій, великій Логоетъ — Аристархи, и два брата Каратеодори.

Съ прибытіемъ въ Синодиконъ, пѣніе кончилось. Патріархъ, разоблачаясь, произнесъ отпущкъ и, по разоблаченіи, благословилъ предстоящихъ и сѣлъ на обычномъ своемъ мѣстѣ. Такимъ же порядкомъ, какъ прежде, сѣли, по ту и другую сторону его, митрополиты и посѣтители, и за тѣмъ началось обычное угощеніе. Святѣйшій былъ весьма доволенъ посѣщеніемъ посланниковъ и особенно русскаго. Долго и дружелюбно бесѣдовалъ онъ съ ними о разныхъ предме-

тахъ. Наконецъ въ исходѣ первого часа пополудни посланики, а за ними и все бывшіе въ залѣ приняли благословеніе и стали расходиться. При прощаніи патріархъ раздалъ всемъ и каждому по нѣскольку вызолоченныхъ и разграшенныхъ цвѣтами яицъ. Вмѣстѣ съ прочими отправился и я, прославляя въ душѣ своей имя воскресшаго Искупителя.

Архимандритъ (нынѣ епископъ) Софоній.

СРЕДСТВА

КЪ ПРИОБРѢТЕНІЮ МИРА ВНУТРЕННЯГО.

Изъ книги: *Traité de la paix intérieure*, par le R. P. de Lombez.

(Продолженіе).

ТЕРПѢНІЕ ПРИ РАЗСѢЯНІИ.

Конечно должно, сколько то отъ насъ зависитъ, быть внимательными въ молитвѣ, въ размышленіи и въ прочихъ благочестивыхъ упражненіяхъ, требующихъ внутренняго труда, но внимательными должно быть, не страшась могущаго напасть на насъ расцѣянiя, не смущаясь, если оно нападетъ на насъ, и не приходя въ ужасъ при воспоминаніи тѣхъ смущеній, какія прежде были съ нами. Съ вниманіемъ нашимъ почти тоже бываетъ, что и съ намѣреніемъ; то и другое дѣйствуютъ въ равной силѣ до тѣхъ только поръ, пока мы ихъ добровольно не удалимъ отъ себя. Куда бы ни забѣгалъ нашъ умъ, мы не перестаемъ быть внимательными, если никогда не расцѣиваемся намѣренно, добровольно. Будемъ подвизаться со вниманіемъ, но не ожидая, чтобъ намъ когда нибудь можно было прочно установиться на одномъ мѣстѣ; наклонность ума нашего къ непрерывной дѣятельности и движенію къ этому неспособна; умъ, напротивъ того, раздражается, и часто сбивается по мѣрѣ уси-

лій, съ какими стараемся остановить дѣятельность его. Иногда умъ довольно спокойно остается при насъ, но коль скоро захотимъ мы увѣриться въ присутствіи его, онъ бѣжитъ отъ насъ: не будемъ же заниматься ни имъ, ни его разсѣяніемъ — и мы будемъ внимательны. Насильно напрягая воображеніе, мы только безъ пользы утомляемъ голову, вредимъ здоровью, не только не принося себѣ никакой пользы, а много, напротивъ, теряя со стороны мира душевнаго: силясь овладѣть воображеніемъ нашимъ, мы хватаемся за невозможное, становимся смѣшными. Кому удастся остановить воздухъ посредствомъ сжатія его въ ругѣ, — тотъ остановить и дѣйствіе воображенія. Да хотя бы и удалось кому, на мгновеніе только, занять воображеніе свое однимъ исключительнымъ предметомъ, — то оно и тогда займется тѣмъ самымъ принужденіемъ, въ какомъ поставлено будетъ.

СПОКОЙСТВІЕ ВЪ ДВИЖЕНІЯХЪ.

Сердце скорѣе устанавливается, нежели умъ и воображеніе, но движенія его не столь замѣтны — и вотъ что еще болѣе печаливаетъ тѣхъ, которые отъ сердца хотятъ всегда сильныхъ чувствованій и убѣжденія въ его расположеніяхъ. Тотъ не знаетъ природы сердца человѣческаго, кто судитъ о немъ, о его направленіи, по движеніямъ тѣлеснымъ, кто воображаетъ, на примѣръ, что сердце въ самомъ дѣлѣ любитъ, когда мы пришли въ умиленіе, растрогались, смягчились: это умиленіе часто только въ крови, въ орудіяхъ внѣшнихъ чувствъ, которыя отнюдь не могутъ быть престоломъ любви святой. Въ служеніи Богу все умѣренно. Онъ не требуетъ утомленія головы, изнуренія груди, чрезъ неумѣстныя усилія, по сему и не нужно, да ни подвергать

умъ пыткѣ, для покоренія его непостоянства, ни ставить, такъ сказать, сердце свое въ тиски, чтобы выжать изъ него чувствованія. Сии движенія произведутъ дѣйствія совершенно противоположныя, потому что сердце всегда хочетъ быть свободно и на просторѣ. То, что можетъ иногда казаться намъ чувствомъ любви къ Богу и ревностію въ служеніи Ему, можетъ быть ни тѣмъ, ни другимъ, и такимъ образомъ за всѣ муки тѣлесныя и душевныя мы получимъ только заблужденіе, мечты ума.

Но спросимъ себя: точно ли любви къ Богу добиваемся мы этими усиліями? Нѣтъ, не любви къ Богу ищемъ мы, а собственнаго своего удовлетворенія. Богъ требуетъ отъ насъ только постояннаго предпочтенія Себя всему, поведенія всегда ровнаго, спокойствія души, кроткой покорности указаніямъ Его промысла, рвенія къ исполненію, открытой намъ въ Евангеліи воли Его, внимательнаго, но не суетливаго — и мы довольствовались бы соблюденіемъ всѣхъ сихъ требованій, еслибъ искали Бога, одного Бога! Когда скажу я другу своему, что люблю его искренно, что все принадлежащее мнѣ въ его распоряженіи, что я готовъ даже жертвовать собою за него, я остаюсь и довольнымъ собою и увѣреннымъ, что и другъ мой также доволенъ мною, хотя, изясняясь предъ нимъ, я говорилъ просто, безъ одушевленія, безъ пламени во взорѣ, безъ судорожныхъ движеній, безъ напряженія груди, а говорилъ такимъ образомъ потому, что выраженія естественныя, непринужденныя, пріемы въ обращеніи простодушныя всегда бываютъ вѣрнымъ языкомъ сердца — а другъ мой, я увѣренъ въ этомъ, требуетъ отъ меня одного только сердца. Можно ли думать, чтобы Богъ требовалъ отъ насъ чего либо большаго? Говорилъ ли Онъ когданибудь, комунибудь изъ насъ: отдай мнѣ голову, грудь,

руки или глаза? Отдадимъ же Ему то, чего требуетъ Онъ отъ насъ — сердце — и миръ Его почиетъ на насъ!

Но скажемъ болѣе, а именно то, что мы должны кротко и благоразумно умѣрять слишкомъ живыя и стремительныя чувствованія сердца нашего, даже и тогда, когда они открываются въ насъ противъ всякихъ съ нашей стороны усилий. Этоть внутренній жаръ разгоряченнаго воображенія, эти прихоти души тревожной, а часто и самонадѣянной, только надмѣваютъ насъ — и дѣлаютъ неестественною нашу набожность. Это, говоритъ апостоль Петръ, огонь, ревность неблагоразумная, вводящая насъ въ заблужденіе и посылаемая намъ, какъ искушеніе. Наша радость въ настоящей жизни должна состоять въ томъ, чтобъ участвовать намъ въ страданіяхъ Иисуса Христа — а утѣшенія — въ томъ, чтобы ощущать въ себѣ Его предсмертныя муки. Вкусить вполнѣ святыя порывы, благочестивыя восторги, сладостныя изліянія сердца, горящаго огнемъ любви, Онъ дастъ намъ тогда только, когда явитъ славу Свою въ небесномъ Іерусалимѣ. Если же, еще въ сей юдоли плача, наше сердце ощутитъ въ себѣ нѣкія капли благъ сихъ, то это будетъ только мимоходомъ, мгновенно и тогда, когда Ему, благому, угодно будетъ; Онъ не хочетъ, чтобы мы желали этого съ безпокойствомъ и для собственнаго нашего услажденія. Что бы мы ни дѣлали для того, чтобъ обладать сими благами, все останется безплоднымъ, что бы ни успѣли мы произвести нашими усилиями, все будетъ не болѣе, какъ только обманчивое подражаніе симъ бладамъ — подражаніе, которое послужитъ намъ только къ слишкомъ выгодному для насъ самообольщенію. Въ самомъ дѣлѣ, въ минуты пламеннаго рвенія, мы чувствуемъ полное самодовольствіе, непримѣтнымъ образомъ мы любуемся высотой нашихъ помысловъ, твердостію

нашего духа, живостию нашихъ чувствованій и такимъ образомъ впадаемъ въ гордость. И потому, коль скоро замѣтимъ мы въ себѣ такія чувствованія, намъ остается дать имъ мало по малу погаснуть и исчезнуть, а себя сокрыть въ себя самихъ съ Богомъ, держа себя въ Его присутствіи въ благоговѣніи въ смиренномъ безмолвіи, возводя къ Нему, временами, взоры, исполненные любви. И Онъ ниспослетъ намъ, когда то угодно будетъ Ему, движенія тихія, умиротворяющія, нашихъ же движеній Онъ не пріемлетъ, коль скоро онѣ противны миру души, котораго такъ сильно желаетъ намъ. Мы должны ожидать Его, но не предупреждать — и объ этомъ болѣе всего должны мы заботиться; надобно идти въ слѣдъ за Нимъ, а не опереживать Его: въ этомъ должна состоять вся наша слава. Напрасно, говоритъ Пророкъ, возстаете вы завтра, напрасно лишаете себя сна, — почивайте, ожидая восхода солнца; оно принесетъ вамъ снова и свѣтъ, и теплоту, и трудъ. Питайтесь только хлѣбомъ сокрушенія сердца, укрѣпляющимъ и поддерживающимъ — и водою слезъ, дающею сонъ и успокоеніе. Посреди сего духовнаго сна, и тогда какъ вы наименѣе ожидать будете, Небесный Женихъ прійдетъ, поведетъ васъ на бракъ, и сладости, коими исполнить Онъ васъ еще въ мѣстѣ горестнаго изгнанія вашего, сдѣлаются для васъ понятными, возбудятъ въ васъ жажду тѣхъ утѣшеній, которыя готовитъ Онъ вамъ въ Небесномъ чертогѣ Своемъ, уготованномъ Господомъ, какъ прямое наслѣдіе, въ награду всѣмъ вѣрнымъ чадамъ Его. Тогда вы будете умѣть различать чувствованія, благодатію совершаемыя отъ тѣхъ, которыя собственно принадлежатъ вамъ — тогда только вы поймете, вы почувствуете ту истину, которая кажется теперь вамъ такъ ясною: что никто не можетъ прійти къ Іисусу

Христу, если не привлеченъ будетъ Отцемъ Его. Богъ въ одно мгновеніе совершить то, чего вы не могли и не умѣли сдѣлать во всю вашу жизнь. Вы пойдете, говоритъ Господь, путями вамъ невѣдомыми, вы будете идти по нимъ съ быстротою, изумляющею васъ самихъ, и стремительность шествія вашего подобна будетъ быстротѣ стрѣлы, брошенной со всею силою мощной рукою мужа крѣпкаго. Вотъ что творить въ насъ Богъ по Своему благоволенію, вотъ на что надѣяться можемъ смѣло, если пребудемъ вѣрными Ему: предупреждать все сіе нашимъ нетерпѣніемъ, или возмущать нашими усиліями мы не должны. Однакоже, не всѣ, безъ исключенія, чувствованія живыя, раждающіяся въ насъ, должны мы подавлять въ себѣ; есть такія движенія въ духѣ нашемъ, которымъ предаваться должны мы безусловно. Я укажу въ своемъ мѣстѣ признаки, по которымъ можно различать ихъ. Здѣсь довольно будетъ сказать, что такія движенія или побужденія зависятъ отъ мира, почивающаго не въ насъ, а въ самомъ Богѣ. Онъ зиждетъ въ насъ сердце новое, Онъ, создавъ насъ по образу Своему, хочетъ, чтобы мы, сколько то возможно для немощи нашей, подражали Ему во всемъ жизнію нашею, чтобы мы, подобно Ему, пребывали въ непрерывномъ дѣланіи — и вмѣстѣ, въ глубокомъ мирѣ.

ДОЛЖНО БЕЗЪ СМУЩЕНІЯ ПЕРЕНОСИТЬ СУХОСТЬ СЕРДЦА.

Вмѣсто того, чтобы искать восторженныхъ наслажденій въ чувствованіяхъ, возбуждаемыхъ собственными усиліями, надобно, напротивъ, терпѣливо переносить сухость и холодность души своей и всегда предпочитать миръ ничѣмъ не возмущаемый, основанный на твердости намѣреній тѣмъ при-

ходящимъ утѣшеніямъ, кои часто бываютъ въ насъ естественнымъ послѣдствіемъ нашего, отъ природы слишкомъ нѣжнаго и впечатлительнаго сердца, и которыя подаются намъ какъ-бы изъ жалости только къ крайней нашей немощи. Подлинно, однѣ только души слабыя и еще малоподвизавшіяся въ жизни внутренней, съ горячностію ищутъ утѣшений и чрезмѣрно сокрушаются холодностію своею. Коль скоро Богъ перестаетъ ласкать ихъ, какъ нѣжная мать ласкаетъ младенца, покоющагося у груди ея, онѣ считаютъ себя забытыми Богомъ и сами готовы забыть Его; такія души обыкновенно нерадивы въ служеніи Богу и чрезъ то всегда утрачиваютъ миръ сердца. Зло это такъ обыкновенно, что нѣтъ ни одной книги духовнаго содержанія, въ которой бы не говорилось о немъ, и я охотно молчалъ бы о немъ, еслибъ нѣсколько словъ, какія намѣренъ сказать объ этомъ злѣ и которыя почерпаю изъ тѣхъ же книгъ, по необходимости не принадлежали моему предмету.

Конечно, я согласенъ съ тѣмъ, что тяжело выполнять святѣйшія обязанности сердцемъ холоднымъ, умомъ разсѣяннымъ, тягостно всегда возвращаться къ нимъ безъ рвенія; влачить за собою сердце свое какъ бы насильственно, стоять съ нимъ предъ Богомъ въ какомъ-то безумномъ окамененіи; горестно молиться съ разбросанными мыслями и чувствами, получать блага безъ заслуги, тяжело исповѣдывать грѣхи свои безъ сокрушенія, пріобщаться безъ утѣшенія, вкушать хлѣбъ небесный съ меньшею алчбою, нежели съ какою вкушаемъ хлѣбъ вещественный; горестно страдать извнѣ безъ облегченія внутренняго, носить кресты и, вмѣсто того, чтобы сподобиться чрезъ нихъ того таинственнаго помазанія, которое содѣлываетъ ихъ легкими, открывать въ нихъ новые кресты, сокрытые и тягчайшіе тѣхъ, которые для всѣхъ открыты,

всѣмъ видимы. Положеніе, по истинѣ, самое горестное, но оно премудро допущено промысломъ того Бога, Который вѣдаетъ Свои права на насъ также, какъ и наши нужды. Такъ, правда Твоя, Боже великій! — правда во вѣки, и всѣ суды Твои—истина! Но милостію Твоею не оскудѣвають совѣты Твои; она присѣдитъ всѣмъ путямъ Твоимъ, не отступая отъ вѣчной правды Твоей. Ты всегда явишься побѣдителемъ надъ тварію Твоею, входящею въ судъ съ Тобою! Но наипаче Твои пути и совѣты такъ свѣтозарны, что даже человѣкъ, дерзающій принимать подъ защиту свою Твою вѣчную правду, уничижаемую унывающими и стропотными рабами Твоими — даже человѣкъ, немощный словомъ своимъ, силенъ Тебя, мой Боже, оправдать, а ихъ постыдить!

Богъ, лишая васъ утѣшеній своихъ, или наказываетъ васъ за грѣхи ваши, или хочетъ увеличить ваши заслуги. Если наказываетъ Онъ васъ, то за чѣмъ не обращаете вы недовольства вашего на самихъ себя? Если умножаетъ ваши заслуги, то за чѣмъ жалуетесь на Него? Если онъ поступаетъ съ вами такъ, какъ вы того заслужили, то какое зло дѣлаетъ Онъ вамъ? Если даетъ Онъ вамъ сверхъ вашихъ заслугъ, побуждая васъ чрезъ то заслуживать еще болѣе, то какую обязаны вы Ему благодарностію? Не боитесь ли вы, чтобы Онъ не принудилъ васъ слишкомъ легко искупать грѣхи ваши въ этой жизни, или чтобы за легкія страданія ваши, Онъ не содѣлалъ васъ слишкомъ блаженными въ будущемъ мірѣ? Какъ вы бы ни рассуждали, но то, что называете вы строгостями Его, необходимо должно происходить отъ одной изъ этихъ причинъ. Богъ не можетъ ненавидѣть Своего творенія, Онъ не призываетъ человѣка на служеніе Себѣ для того, чтобы заставить его страдать; всегда блаженный въ Самомъ Себѣ, Богъ создалъ человѣка по образу

Своему не для того, чтобы подать Себѣ, недостойное Его, наслажденіе, содѣлывать Себя бѣдствующимъ въ собственномъ Своемъ образѣ; Онъ призываетъ къ Себѣ твореніе Свое не для того, чтобы посмѣиваться надъ его немощію, чтобы отталкивать его одною рукою въ то время, какъ влечетъ его къ Себѣ другою. Онъ посмѣивается небесамъ, землѣ, стихіямъ, которыя вращаются, измѣняются по Его велѣнію, но Онъ, въ то же время, нисколько не измѣняетъ первобытнаго порядка, начертаннаго для нихъ Его промысломъ; человѣка же руководить Онъ и шадить, доказывая тѣмъ, что въ немъ чтить Онъ самое Свое божество: Онъ видитъ въ лицѣ человѣка тотъ славный конецъ, для котораго создалъ Его,—обѣтованія, коими ущедрилъ его,—то усыновленіе, котораго сподобилъ его, — тѣ щедроты, коими исполнилъ его, — ту любовь, коею взыскалъ его, наконецъ—ту пречистую кровь, которою омылъ Его. И такъ, если Онъ наказываетъ васъ, любите Того, Который васъ не возненавидѣлъ; если ведетъ Онъ васъ къ совершенству, любите Его тѣмъ паче, ибо Онъ являетъ вамъ чрезъ сіе еще большую любовь. Если напоминаетъ Онъ вамъ и самые малые проступки ваши — не смущайтесь— это должно убѣждать васъ, что Онъ не хочетъ гибели вашей; если ниспосылаетъ Онъ на васъ жесточайшія испытанія — не унывайте, —этимъ возвѣщаетъ Онъ вамъ, что хочетъ освятить васъ. Слѣдовательно, во всѣхъ сихъ видахъ внутренней сухости, нѣтъ ничего такого, чтобы могло приводить васъ въ смущеніе или уныніе, а еще менѣе здѣсь такого, чтобы могло сдѣлать васъ нетерпѣливыми или приводить васъ къ ропоту.

Этого довольно, чтобы остановить жалобы сихъ чувственныхъ Израильтянъ, уstraшенныхъ безплодіемъ пустыни, и готовыхъ возвратиться въ Египеть. Теперь надобно вы-

вести изъ заблужденія тѣхъ, которые думаютъ, что они еще не вошли въ землю обѣтованную, потому, что манна не спадаетъ въ ней. Не стропотные пути, по коимъ иду, сокрушаютъ и смущаютъ меня, говоритъ каждая изъ сихъ добрыхъ душъ, болѣе слабыхъ, нежели нетерпѣливыхъ, я была бы покойна, если бы знала, что иду по нимъ съ моимъ Богомъ; владычество Его надъ собою и мою отъ Него зависимость знаю; знаю и то, сколь чиста должна быть любовь моя къ Нему и каковы права Его надо мною, когда Онъ требуетъ отъ меня такихъ тяжкихъ подвиговъ; но довѣренность моя изнемогаетъ, а съ довѣренностію утрачиваю я и миръ сердца, котораго не можетъ быть безъ довѣренности— довѣренность сія покидаетъ меня отъ страха, чтобы Богъ не отвратилъ лица Своего отъ меня за мои грѣхопаденія, теряется отъ мысли, что Онъ уже покинулъ меня за мое недостойное служеніе Ему, что Онъ не любитъ меня болѣе съ того времени, какъ во взорахъ Его вижу я одну только строгость, или, что я сама перестала любить Его, ибо ужезираю на Него не иначе, какъ съ холодностію.

Души маловѣрныя, а потому и далекія отъ мира внутреннаго, (ибо миръ полный обрѣтается только въ глубинѣ мрака живѣйшей вѣры), вотъ ваши опасенія—а мои размышленія! Вы отдаете должную справедливость Богу, а себѣ не хотите отдавать ее, или лучше, вы не отдаете справедливости ни Богу, ни себѣ. Вы покоряетесь Его могуществу, но не довольно убѣждены въ Его благодати. Вы много заботитесь о томъ, чего вправдѣ Онъ требуетъ отъ вашей вѣрности къ Нему, но не помышляете о милосердіи, съ какимъ снисходитъ Онъ вашей слабости. Вы сами себя не знаете, вы не знаете своей немощи, ни благодати Божіей надъ вами, ни того, чѣмъ были-бы вы, если-бы были предоставлены самимъ себѣ, соб-

ственнымъ силамъ своимъ и оставались безъ помощи и благодареній Божіихъ; вы знаете свои обязанности къ Нему, но не видите того, что зиждетъ Онъ въ васъ, и что совершаете вы, кажется, сами, но при Его помощи. Не худо ли понятое вами смиреніе препятствуетъ вамъ замѣчать въ себѣ и малѣйшій изъ даровъ Божіихъ? Не отъ такого ли смиренія, вмѣняете вы себѣ въ заслугу тѣ мученія, какими смущаете себя касательно исполненія вашихъ обязанностей, тогда какъ и малѣйшей тѣни, падающей на миръ души вашей, довольно для того, чтобы лишить васъ плодовъ добрыхъ вашихъ дѣлъ? Не отъ тайной ли самоувѣренности вашей то убѣжденіе ваше, что вы можете много подвизаться въ служеніи Богу, что набожность и ревность по Богѣ принадлежать вамъ какъ собственность ваша и зависятъ всегда отъ васъ? Не отъ гордости ли занимаетесь вы чрезмерно собою, не оставаясь никогда довольнымъ собою, потому что излишне желаете быть удовлетворенными? Не берусь рѣшать, которое изъ сихъ двухъ чувствъ причиною вашего безпокойства, потому что для меня было бы такъ же трудно, какъ и бесполезно разрѣшать этотъ вопросъ. Быть можетъ въ вашей душѣ нѣтъ ни того, ни другаго изъ сихъ побужденій — быть можетъ вы только находитесь въ заблужденіи, которое требуетъ исправленія. Полагая и это возможнымъ и представляя врачеваніе ваше отъ суетной кичливости или отъ робкой и всегда трепещущей мнительности вашей собственной вашей заботѣ, исполняю свое желаніе — буду назидать васъ.

Вы болѣе всего страшитесь того, не отвратился ли отъ васъ Богъ за ваши прегрѣшенія, не пересталъ ли Онъ любить васъ съ тѣхъ поръ, какъ взоры Его исполнены одной строгости къ вамъ? Но спрашиваю васъ, развѣ Богъ обра-

щается съ нами такъ строго только въ наказаніе за наши грѣхи? Не поступаетъ ли Онъ такимъ образомъ часто и для усовершенствованія нашей добродѣтели? Эта наружная, видимая холодность не допускается ли промысломъ и для того, чтобы искоренить наше самолюбіе, глубже вкоренить въ насъ терпѣніе, смиреніе и проч., для того, чтобы очистить нашу любовь къ Нему, чтобы содѣлать насъ ревностнѣйшими исполнителями Его закона и во всемъ подражателями Иисусу Христу — образцу нашей жизни; для того, чтобы дать намъ случай заслужить славнѣйшій вѣнецъ на небѣ, а въ настоящей жизни подать большія милости намъ, а чрезъ насъ и ближнимъ нашимъ? Свидѣтельство всѣхъ руководителей къ жизни духовной и примѣръ святыхъ, испытавшихъ на себѣ истину всего, о чемъ говорю, убѣждаютъ насъ въ этомъ самымъ достаточнымъ образомъ.

Но положимъ, что Богъ такъ строго поступаетъ съ вами, въ наказаніе за грѣхи ваши; я даже желаю, чтобы вы были убѣждены въ этомъ сильно, только безъ всякаго смущенія: вѣрю, что часто, особенно въ началѣ вашего обращенія, т. е. тогда, когда млеко, укрѣпляющее благочестіе необходимо, а разсѣяніе души бываетъ чаще, вѣрю, что у васъ есть причина думать, будто Богъ отъемлетъ у васъ драгоцѣнное млеко сіе, за вашу невѣрность Ему, или лучше, что собственное нерадѣніе ваше лишаетъ васъ прямо и само собою питія сего, неудерживающагося въ слишкомъ живыхъ и разсѣянныхъ чувствахъ вашихъ. Я не говорю здѣсь объ изнеможеніи тѣлесномъ, о томъ отвращеніи къ духовнымъ упражненіямъ, которое происходитъ часто отъ физическаго расположенія, отъ тягости воздуха, отъ злобы діавола; люди опытные въ жизни внутренней умѣютъ различать ихъ и переносить ихъ съ терпѣніемъ; говорю только о тѣхъ ви-

дахъ сухости души, кои собственно такъ сильно смущаютъ васъ при мысли, что они ниспосылаются вамъ въ наказаніе за проступки; говорю потому, что вообще страждущіе сухостію сердца, почитаютъ ее знакомъ отверженія своего Богомъ.

Но какіе же это проступки ваши такъ сильно преувеличиваютъ, въ вашихъ глазахъ, ваши скорби! простая, но слишкомъ долго продолжавшаяся шутка; невинная, но почти нескончаемая бесѣда, изліяніе сердца позволительное, но перешедшее мѣру; удовольствіе, не запрещенное для вашихъ чувствъ, но бесполезное для васъ; невниманіе къ дѣйствию благодати или къ обычнымъ духовнымъ упражненіямъ; лѣность, съ какою возвращались вы къ Богу и снова входили въ себя; опрометчивый поступокъ, допущенный вами собственно по природной вашей склонности и съ лишнею живостію и проч. За такіе ли проступки, Богъ, Который весь любовь, отвергаетъ грѣшника, содѣлавшагося грѣшникомъ съ сожалѣніемъ и какъ бы насильно? Развѣ всего этого достаточно для того, чтобъ отринуть васъ, для того, чтобы вы упали духомъ, приходили почти въ отчаяніе. Ахъ! какъ оскорбляете вы благость Его подобными мыслями. Какъ! Богъ отступаетъ, скрывается отъ васъ за ваши проступки, и вы думаете, что это для погибели вашей? И ужели вы не знаете, что сей всемилосердый Богъ обращаетъ намъ наше сокрушеніе о проступкахъ нашихъ въ поводъ къ нашимъ заслугамъ въ Его же глазахъ и въ предметъ для нашей добродѣтели? Посмотрите: за непокорность и неблагодарность Богъ осуждаетъ Израильтянъ на сорокалѣтнее странствованіе въ пустынь, но все это тяжкое для нихъ время Онъ обращаетъ имъ въ пользу, ведя ихъ къ усовершенствованію, къ укрѣпленію ихъ вѣры и терпѣнія, научая ихъ дорожить

благами, о которыхъ долго заставляетъ ихъ вздыхать, начертывая для нихъ, въ то же время, все подробности обрядоваго служенія Ему. Въ то время какъ, по видимому, наказываетъ ихъ съ чрезвычайною строгостію, Онъ видимо осѣняетъ ихъ своимъ покровомъ. Въ необъятной сей пустынѣ Онъ и путеводитель, и вождь, и наставникъ, и питатель ихъ. Небо ежедневно доставляетъ имъ хлѣбъ, сухія скалы источаютъ обильныя воды—самыя одежды ихъ сохраняются чудодѣйственнымъ образомъ. Вотъ какимъ является Богъ, Которому мы служимъ: вотъ какова любовь Его къ намъ, посреди самыхъ наказаній, Имъ же на насъ посылаемыхъ.

Еще ближайшій къ моему предмету примѣръ представляетъ жизнь одной благочестивой подвижницы. Бесѣдуя однажды съ благочестивыми мужами, она говорила имъ о сластяхъ духовныхъ упражненій, о великихъ благахъ, приносимыхъ ими душѣ, почувствовала въ сердцѣ своемъ самодовольствіе, которому и предалась слишкомъ на долго. (И самые святые не всегда могли убѣгать отъ уменьшеній тонкаго самолюбія. Какой урокъ для насъ!) За сей проступокъ Богъ предаетъ ее, въ продолженіе многихъ лѣтъ, сухости и внутреннему отчаянію, худшимъ самой смерти. Вѣрно, не одна изъ васъ, души робкія, къ коимъ теперь обращаюсь, подумала бы, что въ такомъ состояніи, все потеряно, что она на вѣки отвергнута Богомъ: но блаженная подвижница, знающая всю цѣну сихъ милующихъ наказаній, находитъ въ нихъ новыя побужденія къ усугубленію горячности души и самой вѣры своей, и отъ горькихъ печалей своихъ она получаетъ такую пользу, что проступокъ ея ведетъ ее къ большому освященію. Подобно невѣстѣ, упоминаемой въ Пѣсни Пѣсней, она ищетъ жениха своего съ тѣмъ бѣльшимъ рвеніемъ, что онъ удалился отъ нее, въ то самое время,

какъ она предалась ему всею душою, а неослабная ревность, съ коею стремится во слѣдъ возлюбленнаго, возвращаетъ ей возлюбленнаго — на вѣки.

Во-вторыхъ, вы страшитесь, чтобъ Богъ не удалился отъ васъ за то, что вы недостойно служите Ему, и потому съ невыносимою тягостю духа проходите ваше служеніе Ему; вы увѣрены, что не безъ причины боитесь быть отверженными Имъ,—вы такъ сухи, такъ холодны! На это вотъ мой отвѣтъ: вы не напрасно страшитесь, если вы въ самомъ дѣлѣ нерадивы; но васъ еще можно успокоить. Возгрѣвайте въ себѣ огонь ревности непоколебимою точностію, но безъ напряженныхъ усилій, пробудитесь отъ обдержавшей васъ дремоты, и Богъ не удалится отъ васъ даже и тогда, какъ Ему должно бы было оставить васъ. Но если тягость сія въ васъ невольна, если она не столько прогнѣвляеть Бога, сколько сокрушаетъ васъ самихъ, если вы, вздыхая отъ нее, искренно желали бы перемѣнить ее на пламенную ревность, то самый страхъ вашъ успокоиваетъ меня за васъ; я даже съ радостію смотрѣлъ бы на ваши напрасные страхи, смиряющіе васъ, если-бъ они не смущали васъ самихъ; умѣрьте тревоги ваши и все прійдетъ въ порядокъ. Тягость, ощущаемая вами при святыхъ упражненіяхъ, весьма естественна; послѣ дарованной намъ благодати въ святомъ крещеніи, Богъ не наказываетъ насъ за то, съ чѣмъ раждаемся мы въ міръ сей. Ревность, особенная горячность, принадлежать не намъ; одинъ только Богъ можетъ даровать ее намъ; если же не даруетъ, то будетъ ли Онъ, такъ сказать, мститъ намъ за то, что мы лишены даровъ Его благости? Да хотя бы и за дѣйствительные проступки наши лишалъ Онъ насъ горячности этой, но если мы станемъ переносить лишеніе сіе съ смиреніемъ и въ тяжкомъ терпѣніи — обычномъ удѣлѣ

сухой, безжизненной ревности, заступившей мѣсто прежнихъ утѣшеній, то такая скорбь наша не будетъ новымъ преступленіемъ въ очахъ Божіихъ—мы не будемъ виновными предъ Нимъ потому только, что страждемъ духомъ. Богъ, напротивъ того, будетъ подвинуть нашимъ сокрушеніемъ и не умедлитъ утѣшить насъ. И такъ, напрасно будемъ мы терять миръ сердца, въ нашихъ душевныхъ страданіяхъ, тогда какъ Виновникъ ихъ имѣетъ въ святѣйшемъ помышленіи Своемъ одну только цѣль — наше умиротвореніе. Онъ болѣе насъ хочетъ видѣть терпѣніе наше искушеннымъ, грѣхи наши очищенными, дабы положить конецъ нашимъ страданіямъ. Впрочемъ внутреннее положеніе ваше далеко не то, чтобы можно было признать его за холодность, ибо вы не предаетесь же явному нерадѣнію, вы остерегаетесь отъ малѣйшихъ проступковъ, вы сокрушаетесь тѣми изъ нихъ, въ которые впадаете по немощи, вы исполняете обязанности, налагаемыя на васъ вашимъ званіемъ и начертанными вами для себя правилами жизни. Хотя бы во всемъ этомъ и замѣчаемо было нѣкоторое нерадѣніе, то исполненное любви око Господа нашего узритъ въ немъ одно только естественное дѣйствіе того удручительнаго, тяжкаго положенія, въ которомъ вы невольно поставлены. За чѣмъ же вы одни спѣшите видѣть здѣсь дѣйствительную холодность—ту холодность, которой довольно для того, чтобы лишить васъ сердца Божія—изрынуть васъ отъ устъ Его?

Окончимъ наше защитительное слово вамъ, для успокоенія вашего сердца. Бы не любите Бога, говорите вы, вы удалившіеся, изъ любви къ Нему, отъ сообщества людей, отъ удовольствій чувственности, отъ тысячи удобствъ, предоставленныхъ вамъ вашимъ званіемъ, отъ увеселеній, свойственныхъ вашимъ лѣтамъ, вы, которые погланиаетесь Ему,

молитесь, размышляете о словѣ и законѣ Его; вы, которые съ ужасомъ взираете на враговъ Его и на обиды, Ему наносимыя — а напротивъ вы съ восторгомъ видите истинныхъ Его поклонниковъ, вѣрно служащихъ Ему; вы, которыхъ ничто въ жизни такъ не могло бы обрадовать, какъ мысль, что вы угодны Ему, которые такъ болѣзненно сътуете на свою сухость потому только, что видите въ ней догазательство неблаговоленія Его къ вамъ, вы которые служите ближнему, вопреки вашей склонности къ тому, единственно изъ угожденія Богу, которые служите Ему Самому, хотя не по чувствамъ сердца вашего, но потому только, что признаете Его достойнымъ всякаго поклоненія! Все сіе можетъ ли быть признакомъ холодности вашей къ Богу? Не замѣтны ли тутъ свойства истинной любви къ Нему? Онъ исполняетъ васъ Своими щедротами, а вы вмѣсто того, чтобы принимать ихъ со смиреніемъ, вы теряете на собственное свое мученіе то время, которое должны бы были посвящать благодаренію Ему. Не должны ли вы страшиться вашей неблагодарности болѣе, нежели тягостей, которыхъ требуетъ служеніе Ему? Неужели вы думаете, что вамъ можно служить Ему безъ Его помощи, что можно, не любя Его, долго подвизаться въ служеніи Ему? Принимайте, въ тихомъ смиреніи, дары любви Его къ вамъ и предайтесь, безъ смущенія, влеченію Его благодати. Служите Ему безъ лишнихъ размышленій о качествѣ вашего Ему служенія: въ сихъ то опасеніяхъ единственно заключаются тѣ поводы къ разсѣянію, которыхъ вы не страшитесь, и которые между тѣмъ болѣе всего вредны для васъ. Ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ!...

Но сухость ваша обращаетъ вниманіе ваше на самихъ себя, какъ бы невольно. Это можетъ быть — и можетъ быть

болѣе отъ самолюбія, нежели отъ ревности. Ваша скорбь о томъ, что вы сами себѣ не нравитесь, а вы увѣряете себя, что вы боитесь не быть угодными Богу. Если же Ему угодно вести васъ и такимъ путемъ, то для чего ищете вы другаго? Неужели путь, который изберете сами, угоднѣе будетъ Богу, Который ничего такъ не требуетъ отъ васъ, какъ покорности Его воли — или полезнѣе для васъ, для коихъ ничто такъ не нужно, какъ умерщвленіе самихъ себя? Предоставьте же себя Ему одному, ибо Онъ лучше васъ знаетъ, что вамъ нужно. Исполняйте свои обязанности по силамъ своимъ — и оставайтесь въ мирѣ съ самими собою; довольствуйтесь тѣмъ, что Онъ даруетъ вамъ, такъ какъ Онъ, милосердый, благоволитъ довольствоваться тѣмъ, что вы можете исполнить.

